

**Апологетические Заметки
протопресвитер Михаил Помазанский**

Часть I

Знамение свыше

Весть о необычайном явлении – слезах из очей на иконе Богоматери в доме одной молодой греческой православной семьи недалеко от Нью-Йорка, в Лонг-Айленд (в марте 1960 года) – облетела даже часть американской прессы. Когда икона в торжественной обстановке препровождалась в греческий соборный храм, то над автомобилем, где помещалась икона, вились непрерывно три голубя, оставившие процессию только тогда, когда икона была внесена в храм. Через месяц такое же истечение слез открылось на другой иконе Божией Матери, в той же местности, а затем и на третьей, поставленной на место увезенной в храм второй иконы. Тройственность явления присуща знамениям, даваемым свыше, как говорит опыт Церкви.

Слезы Богоматери! Явление, приводящее в трепет и благоговение. Оно свидетельствует о том, как близка миру Богородица. Но лучше бы этих слез не было! Если в семье нет для детей большего горя, как видеть плачущей свою мать, то каким должно быть сильным и страшным потрясением для христиан знать, что из-за них проливает слезы Мать Божия!

Говорят ли они об общем духовном падении человечества, а в частности – и о нашем духовном падении? Оплакивают ли они страдания и беды христианского мира, уже им испытанные? Предвещают ли эти слезы новые испытания? Свидетельствуют ли они о том, что Небеса видят скорби, слышат плачущих и что Богородица Своими слезами возвещает утешительное: «Я с вами!»

Душа тянется к Богу

Душа человека так же естественно тянется к Богу, как растение к солнцу. Псалтирь, книга дохристианской эры, со всей силой свидетельствует о природном, врожденном характере этого стремления.

«Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» (Пс.62:2): жажда духовная мучит меня без Тебя, Боже!

"Душа моя как земля безводная к Тебе" (Пс. 142:6).

"Тебе говорит сердце мое: Господа възвещу, душа моя ищет Тебя» (Пс. 26:8).

«Отвратил... лицо Твое, и был смущен" (Пс. 29:8).

«Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь утверждение мое, и прибежище мое, и избавитель мой, Бог мой, помощник мой, и уповаю на него: защитник мой, и рог спасения моего, и заступник мой» (Пс.17:2, 3).

"Единое просил от Господа, то възвещу: чтобы жить... в доме Господне во все дни жизни моей, видеть красоту Господню, и посещать храм святой Его" (Пс.26:4).

Томление о Боге, потребность молиться Ему, искание пути к единению с Богом всегда были у лучшей части человечества. Но никогда не выражалось это стремление с большей силой, чем в Христианстве, давшем неисчислимы сонмы самых чистых, светлых и высоких духом людей, всецело посвятивших себя Богу, радостно жертвовавших всем земным ради небесного. В этом – психологическое подтверждение правды сущности нашей религии, свидетельство истинности веры христианской.

Религия – радость

В основе той или другой философской системы может лежать пессимизм. Но в основе религии всегда было и остается чувство радости. Как бы ни были искажены многие религии человечества (заменяя истину Божию ложью, почитание Бога – почитанием твари), они все же были выражением благодарной радости за жизнь. Только падшая природа человека влекла его часто к выражению ее грубыми и низким формами. Чистое наслаждение красотами природы вполне естественно вызывает у чутких людей хвалебные гимны Богу.

Христианство, истинная и чистая религия, есть источник выражения высокой и святой радости. Христианское подвижничество является доказательством непобедимой, светлой основы христианства, показывая, что никакие лишения и телесные стеснения не способны затмить блаженства жизни во Христе. «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь» (1Фес.5:16–17) – наставляет Апостол. «Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего» (Пс.85:11), – повторяется в молитвах и псалмах. «Да в радости душевной восстанем ко славословию Твоему...» И, самый сильный скорбью, покаянный 50 псалом «Помилуй меня, Боже» (Пс.50) трижды говорит о радости, прося о возвращении ее согрешившей душе.

Бог – не предмет дебатов

Доказывать бытие Божие, искать новые аргументы, защищать божественную истину, оправдывать Божии дела – наше ли это дело?

Наша задача – охранять себя от безбожных мыслей, выпрямлять дорогу своего ума. И охранять других, подобных нам людей, – тоже наше дело. Против своих колебаний и темных мыслей и против чужих, враждебных вере, вторгающихся в наши умы, нам нужно находить противоядие. Наша историческая эпоха есть эпоха рационализма. Рационализм есть враг религии. Отражать его приходится его же оружием, логикой, но только как вспомогательным. У нас имеется оружие гораздо более сильное. Какое? Вера. «Это есть победа, победившая мир, вера наша (1Иоан. 5:4).

Потому и догматические рассуждения о Боге, именно о Самом Боге, должны быть, по возможности, более кратки. Что в силах сказать мы о существе и свойствах Божиих? Наши речи о Боге должны быть в высшей степени осторожны, скромны, просты, чужды мудрований и немногословны. Благочестие внушает нам избегать частого произношения имени Божия в житейских речах: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно» (Исх. 20:7). Иудеи в древности избегали даже писать главное имя Божие – Иегова – и заменяли это имя значками или общим именем Господь. Такое отношение гармонирует в совершенной степени с Заповедью о том, чтобы наш ум и все наше духовное существо были наполнены благоговейными мыслями о Боге.

Почему «верою ходим, а не видением»?

Почему не являет Себя Бог нам так, чтобы не возникло в нас никаких сомнений и колебаний? Потому что не возможно нам, телесным, настолько близко приблизиться к Богу. Вот сравнение: Наша жизнь питается солнцем, как и всякая жизнь на земле; но если бы мы вошли в солнце, то мгновенно сгорели бы. А между тем, как кротко и нежно выращивает оно былинку! И много излучается солнцем таких лучей, от жгучего действия которых мы защищены силами той же природы. Как между солнцем и нами есть воздушная завеса, так есть некая невидимая завеса между нашим существом и Существом Божиим, как бы ни был близок Он к нам. Сквозь эту завесу проникает наша душа верою. «Не может человек видеть Меня, и жив быть» (Исх.33:20), – говорит Господь Моисею. И образы явления Бога людям суть именно «образы» только, ибо «Бог – огонь пожигающий» (Евр.12:29). И, однако, Бог дал людям видеть Себя. Для этого Сын Божий явился в истинно-человеческом виде. «Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни» (Ис. 53:4). Он – не как огонь пожигающий, а как тихий Свет. И мы славим Его словами: «Свете тихий святыя славы Отца Небесного». Но и здесь нужна вера. Как вера нужна, чтобы познать Бога в Его величии и непостижимости Существа Его, так же нужна она, чтобы увидеть и признать Бога в Его кротости, смирении и земном умалении. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). При чистоте сердечной вера достигает такой твердости и силы и дает такие благодатные состояния, что она равняется уже зрению небесного. Такова вера святых.

Вера

Вера религиозная, христианская вера, есть особенное таинственное состояние души, или способности души, проникающая одновременно ум, сердце и волю, действенная сила, начало, способное господствовать над всей душевной жизнью, начало всего, оживляющее, бодрящее, руководящее. Вера есть огонек, поднимающийся над уровнем душевной жизни, свидетельство «духа», т.е. высшего строя души. Верующий человек чувствует, что он имеет некий плюс по сравнению с людьми неверующими. Вера есть сила, ключ к силе, а лучше сказать по прекрасному, образному выражению о. Иоанна Кронштадтского: «Вера есть ключ к благодати». Апостол Павел пишет: «Вы получили доступ к... благодати» (Рим.5:2) в христианстве через веру. Апостол Петр называет веру «драгоценнейшей верой». По древнеотеческому образному выражению, вера есть черпало, черпающее из божественного источника. Она дает возможность таких достижений, какие совсем недоступны без веры: они выражаются в даре совершать чудеса. Обетование Христово: «именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк.16:17–18) – тысячекратно подтверждено в истории христианской Церкви. Вера дает, таким образом, средство проникновения духа человеческого в таинственную, духовную, невидимую область, она «есть вещей обличение (т.е. обнаружение действия сил) невидимых" (Евр. 11,1).

Волки мысленные

Душа человека полна перекрещивающихся влияний и различных мысленных течений. Через ум приходят мысли, как говорит Апостол, «то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим.2:15), мысли светлые и темные, высокие и низкие, утверждающие и возражающие. Ум живет в смене бодрости и дремоты, острого зрения и ослепления. Жаловался некто своему старцу, что неблагоприятные мысли входят в его душу. «Раскрой свой плащ, удержи ветер», – сказал ему старец. – «Не можешь задержать? Так не можешь ты укрыться и от того, что носится в духовном воздухе». Бывает, что с одним из таких веяний душа с трудом справляется по причине их силы: это «волки мысленные»; беречься их нужно, как бережемся болезнетворных влажных и холодных течений воздуха. С другими с трудом справляемся по причине своей временной вялости, апатии, падения духа, т.е. того, что отцы называют унынием.

"Задремала душа моя от уныния, прилипла к земле душа моя» (Пс. 118:25, 28) – скорбит древний псалмопевец. «Дух праздности, уныния... не даждь ми», – молимся мы словами православного подвижника. Все подвизавшиеся говорят о возможности посещения духа уныния, и потому часты в молитвах прошения об избавлении от него. То – мучительные безблагодатные состояния, как бы ослепления души, пока не сменятся они новым приливом благодатной веры и молитвенного усердия. Праведник молится: «Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего... просвети очи мои, да не когда усну в смерть... уныние бесовское далече от меня отгнано быти сотвори святыми Твоими Ангелы».

Однако не всегда бывают без пользы затруднения и смущения, встающие перед умом в области веры. Любое совершенствование происходит через преодоление препятствий. С возрастанием сил человек преодолевает все более высокие препятствия – порой сам ставя их перед собой – и побеждая их, становится на высшую ступень. Подобное совершается и в области религиозной, в сфере веры. И какое торжество духа переживает человек, когда новая, светлая мысль озаряет его душу и преодолевает мысленное препятствие!

Когда некого поблагодарить

С приятностью произносим мы слово: «Благодарю». За маленькое доброе пожелание, за всякую услугу есть потребность сказать: «Спасибо» – спаси Боже. Слова эти выражают внутреннее чувство, они не являются лишь показателем хорошего воспитания, они диктуются инстинктом. Когда человек находится в толпе, и кто-то, незамеченный, окажет ему маленькую услугу, человек ищет глазами: кого поблагодарить? Как часто люди пользуются прессой, чтобы поблагодарить за сочувствие в их горе, за участие в трудный момент известных или неизвестных им лиц! Чувство благодарности не ограничивается словами, оно стремится быть выражено делом, и потом все еще живет в душе благодарной памятью.

Но если мы бываем благодарны за малое, как нам не благодарить за великое – за радость бытия, за способность мыслить, любить других, за зрение и слух, открывающих нам жизнь мира, за возможность общения с людьми и за все дары природы, которыми мы пользуемся? Как не благодарить, когда мы избавлены от опасности или когда посетит нас то, что мы называем счастьем? Но как беден тот человек, который готов благодарить за поданный ему стакан воды и которому «некого благодарить» за высшее, за великое, за главное!

Существует ли жизнь?

Жизнь! Это все, что я имею, чем дорожу и без чего – меня нет! Но, оказывается, в нашу эпоху есть тенденция ответить на поставленный вопрос отрицательно, и ответить, якобы, от имени науки. Были и есть ученые, занятые воспроизведением посредством химических реакций, «живой клетки», зачатком всякой жизни. Лаборатории, изучающие физиологию растений, стараются проникнуть в «механизм роста растений». Вырисовывается задача показать, что в основе бытия лежит механизм, а то, что мы называем жизнью, есть лишь некая видимость, лишь форма нашего восприятия. Вот, для примера, в прессе упоминают об открытии в растениях нового элемента – хлоропласты или более основной загадки – фотосинтеза (поглощение растениями солнечной энергии). Это толкуется, как простая химическая реакция, где не участвует никакая особая жизненная сила и которую можно серийно производить в лабораториях. Но удастся ли таким научным путем объяснить весь механизм мира?

Не хочется верить, что такая тенденция характеризует науку о природе в целом. Не может дух грубого материализма захватить подлинную науку так, чтобы она обходилась без понятия «жизнь» в объяснении тайн природы. Остается удивляться, как механизация практической жизни нашего быта влияет на склад мышления людей, внушая, что жизнь мира есть механизм, подобный мертвой машине.

Сначала: «нет Бога». Потом: «нет души». Наконец: «нет жизни!»

В небольшом рассказе Вересаева «Эвфимия», написанным им в советский период, больная женщина, предчувствуя медленно приближающуюся смерть, восторгается греческим философом-материалистом Демокритом: он уже более 2000 лет назад говорил, что все вещество состоит из атомов, а ощущения и мысли – только изменения тела... Но вот оказывается, что будучи эстетом по природе, она любит поэзию, зачитывается Тютчевым, поэтом, который внушает, что природа не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, есть любовь, в ней есть язык... Так помимо желания, у советского человека обнаруживается разлад между материалистическим пониманием и естественным внутренним чувством: второе вылезает из под покрова первого, как шило из мешка. Шила в мешке не утаишь.

Целостность жизни и целостность мировоззрения

Четверостишие Гумилева прекрасно:

Есть Бог, есть мир.

Они живут вовек.

А жизнь людей мгновенна и убога.

Но все в себе вмещает человек,

Который любит мир и верит в Бога.

Конечно, нельзя догматизировать эти слова. Против каждого высказывания здесь можно возразить: Вечность мира не то, что вечность Бога; жизнь людей мгновенна, но жизнь души не мгновенна; скользок совет мир любить, а в Бога только верить. Однако, в этом четверостишии дано превосходное поэтическое выражение глубокой идеи: полнота жизни состоит в восприятии мира, как творения всеблаготворного Бога. Принимая жизнь, как дар Божий, человек живет в оптимистическом гармоничном мировоззрении, созидая душевный мир и бодрый, светлый взгляд на жизнь.

Человек благополучен внутренне, когда нет в нем душевного разлада. Таков смысл трехстишия Полонского:

Блажен, кому дано два слуха:

Кто и церковный слышит звон,

И слышит вещей голос Духа.

Смысл этих слов, очевидно, в том, что человек нашего времени тогда живет полной, содержательной жизнью, когда его внутренний голос (будет ли то поэтическое или философское вдохновение или просто общее миропонимание) соединяется с верностью традиции, с привитой ему религиозной верой.

Нужно признать, что русская поэзия золотого, XIX, века литературы, сама обладала в значительной степени этим качеством и потому была целостной, идейной и полноценной.

Таинственное в опыте жизни

Едва ли есть человек, даже среди неверующих, который бы не пережил хоть один раз в жизни таинственного явления, вроде вещего сна или необъяснимой случайности, оберегшей его жизнь. Только чаще люди не оглядываются назад, забывают, а то даже стараются и не заметить. Многие из нас, когда они уже близки к границе своего земного поприща, могут, должны бы сказать о себе словами псалмопевца:

«Ибо Ты надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей. На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; Тебе хвала моя не престанет... Боже! Ты наставлял меня от юности моей, и донныне я возвещаю чудеса Твои. И до старости, и до седины не оставь меня, Боже, доколе не возведу силы Твоей роду сему и всем грядущим могущества Твоего. Правда Твоя, Боже, до превыспренних; великие дела соделал Ты; Боже, кто подобен Тебе? Ты посылал на меня многие и лютые беды, но и опять оживлял меня, и из бездн земли опять выводил меня. Ты возвышал меня и утешал меня» (Пс. 70).

Наблюдение собственной жизни является одной из причин, почему люди, безразличные в молодых годах к религии, на личном опыте почувствовав десницу Божию, приходят в старости к искренней сердечной вере и раньше холодные, становятся благочестивыми, богобоязненными, богомольными. Благочестие не есть признак старости. Оно присуще всем возрастам, и горячее чувство естественнее в молодых летах. Но «благочестие старости» есть признак непотерянного, непренебреженного опыта жизни, а признак памяти об явлениях милости Божией.

Трезвение души

Христианская вера есть состояние светлое, «дневное». Вера в Бога, в невидимый духовный мир, в жизнь после телесной смерти – реалистична, потому что она опытно подтверждена воспринятыми явлениями, духовным опытом и Откровениями, которых удостаивались святые Христовой Церкви, а равно и благотворностью веры, внутренне ощущаемой рядовыми членами Церкви. Поэтому христианину должен быть чужд так называемый мистицизм, который отличается отходом от реальности и уверенностью в своей особой близости к духовному миру и способностью в него проникать. При таком настроении легко подчиниться вредной мечтательности и потерять правильный, православный строй души. Так в сумерки работа воображения способна подавлять человека и представлять образы, далекие от действительности.

Подлинная вера трезва, и все руководители истинно христианской духовной жизни ставят «трезвение души» в основу духовного делания. Трезвение души есть оберегание себя от самообольщения, от повышенного мнения о себе, равно как и от уныло-безнадежной самооценки. Это есть прямой и простой взгляд на жизнь, на себя и на всех окружающих, взгляд, освещенный светом веры. Церковь просит в молитвах дарования верующим «трезвения души, оставления грехов, общения Духа Святого». О. Иоанн озаглавил свой дневник: «Моя жизнь во Христе, или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге».

Силы природы

Природа живет неизвестной нам своей внутренней жизнью, почти недоступной науке. Какие страшные силы скрыты в ней, даже в малых частичках вещества, – показало изучение атома и освобождение, или разложение, его. И в то же время, с какой мягкостью и кротостью действуют эти силы в жизни мира! Какая согласованность в действиях стихий природы и какое сотрудничество, взаимопомощь! Вот – ветер и облако. В них нет даже собственного бытия, нет своего жизненного ядра, какое имеет каждая ничтожная былинка, они только мгновенные явления: был ветер – и нет, сгустилось облако – и вылилось дождем, нет его. Но посмотрите, как мудро сотрудничают они с солнцем и друг с другом, и сотрудничество их направлено на благо других, особенно на то, чтобы давать жизнь растениям. Облако дает им влагу, защищает их от жгучих лучей солнца. Но облако не имеет своей энергии для движения в воздухе, эту задачу берет на себя ветер, который гоняет облака, уводит и наводит их. Ветер потом сушит землю, оберегая ее от вредного для растений окисления, а заодно и от острого действия прямых солнечных лучей. Где скрыты вы, добрые, разумные силы, действующие в этих явлениях? А вот лесная роща, нетронутая человеком, предоставленная самой себе. Лес, если рука человека не вмешивается в его жизнь, располагается как органическое целое, как собирательный организм: окружает себя опушкой густых колючих кустарников, как оградой, допускает внутри себя наиболее для него выгодный травяной покров, собирает и хранит нужные для него водные резервуары, регулирует проникновение лучей солнца в свою чащу, оберегает внутри себя менее стойкие, менее выносливые породы растений. Не удивительно поэтому возникновение в человечестве пантеистических представлений, мыслей о присутствии в природе лесных, водяных и других божков. У художников чувство природы выливается как бы в пантеизм... например у Тютчева: «Не то, что мните вы, природа – не слепок, не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». И далее у Тютчева идет прямое обличение торжествующего ныне материализма:

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как в потьмах.
Для них и солнце, зная, не дышит,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,

Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была;
И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза...

Но не придем ли и мы, в таком случае к пантеизму? Нет, наш разум должен подняться выше. Не божественен атом, который люди разбивают и заставляют служить себе. Не божество – то, что находится в полном нашем распоряжении, а частично, и в распоряжении животных. Тот же поэт не мыслит пантеистически, когда представляет мир ризой Божией: «Ткань природы, мировая риза Божия, может быть». Такой образ близок к библейскому, более чистому: «Ты одеваешься светом, как ризою» (Пс. 103:2).

Природа скрытой в ней разумностью будит нашу мысль. Она внушает нам, что в ней, помимо материи и силы, есть еще нечто высшее: она имеет свой слух, чтобы исполнять повеления Божии: «да изведет земля... да изведет вода» (Быт. 1:20, 24); повинуется смоковница словам Спасителя: «да не будет на тебе плода во век» (Мф. 21:19); и бурное море исполняет повеление Его: «умолкни, перестань» (Мк. 4:39). Природа проникнута волей служения указанным ей свыше целям; всем своим бытием она славит Бога, исполняет веления небесных чинов: господств, властей и сил. И мы исповедуем в молитве (чин освящения воды): «Тебе трепещут умные все силы природы, Тебе поет солнце, Тебе славит луна, Тебе присутствуют звезды, Тебе слушает свет, Тебе работают источники...»

Огонек от огонька

Читаем в 1 главе послания ап. Павла к Римлянам: «открывается правда Божия от веры в веру» (Рим.1:17). Это значит, как огонек от огонька. Как же нужно беречь этот огонек! Без него мы – как потушенная свечка. Хранить нужно искру веры. Остерегаться дуновения противного ветра, то есть общества враждебного вере, книги, отводящей от веры, собственного брожения мысли.

От веры в веру. Значит по преемству. Учимся вере у апостолов, из их писаний, всегда хранящих в себе живой источник веры. Здесь вера от веры передается через слово. Учимся от близких к нам по времени святых: здесь передача на близком расстоянии силой огня их веры. Учимся в Церкви и от Церкви, лицом к лицу с Церковью. Так и ап. Иоанн писал своим духовным детям: «Много имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь придти к вам и говорить устами к устам» (2Ин.1:12).

От веры в веру. На протяжении длинного ряда веков передается вера от одного церковного поколения другому церковному поколению, от отцов – детям, от мучеников, исповедников, святителей, подвижников – людям, их видевшим, поучавшимся от них, вплоть до нас, хранящих святую память о них. Это есть священная передача – передание веры. Поэтому-то мы особенно дорожим знанием жизни и наставлениями святых, близких нам по времени: от их веры, непосредственно прикоснувшись к ней, можем верою возжигаться сами. Так идет цепь: «от веры в веру», от апостольских времен до нашего времени.

Атеизм

Проф. Несмелов в книге «Наука о человеке» выражается так: «Атеизм есть вывод знания на основании незнания». Формулировка эта метка. Атеисты не видят Бога, не знают Бога, а потому не признают Его бытия. Более осторожные из них называют себя «агностиками», т.е. не знающими (идя за английским философом Спенсером), но, «не зная», они, конечно, не руководятся законами религии. Люди более грубого образа мышления рассуждают прямолинейнее, хоть логически и неправильно: «я не знаю Бога, значит нет Бога».

Мир – отражение благодати Божией

Мы не можем отрицать существования в природе разума, хотя он находится в какой то неведомой нам форме. Видим, как растение своими корнями отвоевывает нужное ему для жизни пространство, ищет и находит в одной и той же почве питательные элементы совершенно различные, нужные именно только этому виду растений, соки, столь разнообразные для каждого из видов растений, добывая их путем искуснейшего химического разложения почвы. Равным образом, мы не можем отрицать существования в животном и растительном царстве эстетического, художественного начала, проявляющегося в разнообразии и гармонии красок и форм. И даже едва ли можем отрицать наличие некоего, как бы нравственного начала, в природе, видя содружество, взаимопомощь, готовность служения, когда травка готова себя предоставить в питание животному или когда дерево старается произвести возможно лучшие плоды на утеху человеку; готовность, иногда близкую к самопожертвованию. Скажут, что нельзя назвать это нравственным свойством, т.к. нравственность предполагает свободную, разумную волю. Да, но если так, то нужно искать источник сознательный, разумный для этого бессознательного. Мысль поднимается к Творцу и к силе промысла Духа Божия, дающего всему, что существует «жизнь... дыхание и все» (слово ап. Павла в Афинском ареопаге по книге Деяний) (Деян. 17:25)).

Мир, творение Божие, является, в этом смысле отражением – пусть слабым и бледным – свойств своего Создателя и к этому Первоначалу, Первообразу направляет нашу мысль. Скажем и здесь словами о. Иоанна из «Моя жизнь во Христе». «Весь мир: небо и земля и все, что в них, море и все, что в нем есть изливание бесконечной благодати Божией, Его разума и бесконечной силы и могущества, благодати к тварям, которых Он создал для радости и блаженства, в особенности – благодати к человеческому роду. Мир есть зеркало благодати, разума, премудрости и силы Божией. Итак, не к миру, а к Богу прилепиться должно нам. «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек» (Пс. 72:25, 26).

Жизнь

Что может быть ближе нашим глазам, ушам, уму – всему нашему существу, чем жизнь? Все живет, всюду жизнь. А между тем, что может быть для нас загадочнее жизни? Еще до сих пор люди не пришли в согласие по вопросу: есть ли жизнь начало первичное или явление вторичное? Источник ли она или следствие? Корень бытия или цветок бытия? Для людей с верою в Бога здесь нет вопроса. Жизненное начало лежит в основе всего бытия, оно вложено в него Творцом.

Лишь только жизнь оставляет вещество, оно становится мертвым. Как оставляет – непостижимо. Хотелось бы ухватить ее в этот момент, но убегает она, как ртуть из под пальцев. Выжжена, вырвана, скошена трава, – и жизнь в данной ей Богом форме ушла из нее. Умер человек, жизнь его оставила тело. Но она не погибла. В разрушенном, преданном земле теле ее место займут постепенно, формы жизни гораздо более низкие. Но её жизненное начало, разумное, сознательное, какое мы воспринимаем нашим собственным самосознанием, ее душа, не умирает. Она уходит, унося с собой, прежде всего, то, что она принесла в тело. Принесла человеку самосознание в индивидуальной, личной форме – и уносит его с собой, наполнив его достойным вечности (а м.б. и не достойным) содержанием.

Так, предположительно, говорит рассудок. Но твердо и ясно о бессмертии души свидетельствует христианская вера. «Создал... Бог человека из персти земной, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). Не может умереть дыхание Божие! Тело умерло, а «дух возвратился к Богу, Который и дал его» (Екклесиаст Солом.). Вот наша богооткровенная истина, вот наша вера.

О чем говорит зло в мире

Наряду с проявляющейся вокруг нас в природе разумностью, гармонией и красотой, видим в ней же явления противоположные. Видим страшные катастрофы в природе, которые приносят страдания и гибель живым существам, наблюдаем слепоту и обманчивость инстинкта в животном мире; вражду, пожирание слабых сильными и, наконец, болезнь и смерть. Эти явления открывают нам глаза на истинный характер природы, они не позволяют её обоготворять. Благодаря им мы познаем ложность пантеизма. Человеку присуще искать высшее начало и поклоняться ему. Но, хотя присутствие и действие этого начала он видит повсюду, сама природа не может быть понята, как такое высшее начало: в ней имеется положительное, и отрицательное, в ней есть разум и неразумие, есть доброе и злое. Таким образом сама природа внушает нам, что над ней есть Начало другое, совершенное. Да и как можем мы признать божественность природы, когда сам человек становится господином природы? В художественной форме выразил двойственность природы, наличие в ней добра и зла, поэт Алексей Константинович Толстой:

Бог один есть свет без тени,
Нераздельно в Нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но струящая от Бога
Сила борется со тьмой;
В Нем могущество покоя,
Вкруг Него времен тревога.
Мирозданием раздвинут
Хаос мстительный не спит;
Искажен и опрокинут
Божий образ в нем дрожит:
И всегда обманов полный
На Господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять
И усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова

Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолжение,
Вечной жизни торжество.

За завесой видимого

Едва ли не у каждого из нас есть в прошлом, в памяти о прошлом, факты, говорящие о связи с духовным миром, факты материалистически не объяснимые, ясно свидетельствующие, что над нами есть Недремлющее Око. Только многие люди закрывают глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать. Но чаще бывает, что люди помнят такие факты, да не в силах согласовать с их голосом свою жизнь. В минуты раздумья или задушевной беседы всплывает наверх это таинственное, чтобы потом снова уйти в тайники памяти. Редко люди предадут гласности такие переживания. Здесь может быть и скромность, и нежелание фигурировать своим именем в печати, и сомнение – поверят ли, ни сочтут ли выдумкой или даже плодом душевного расстройства. Однако некоторая часть таких фактов становится достоянием печати. Если бы даже собрать такого рода сообщения за последние годы, то получилась бы целая книга. Но пока господствует материализм, достигнет ли цели такая книга? Они «видя не видят и слыша не слышат» (Мф. 13:13) и не желают обратиться к Тому, Кто готов исцелить их, – это слепые люди заявляющие, что они принципиально не признают чудес.

Суды Божии

Для христианина совершенно ясно, что за свое благочестие, за свою веру, он не должен ждать, как награды, земного благополучия. Спаситель не обещал Своим верным земного довольства. Не напрасно символ Христианства – Крест, Распятие. Однако человеку не чуждо человеческое, и сердце спрашивает: почему хулители веры торжествуют и благоденствуют, где же правда Божия?

Испокон веков поставлена эта тема. Одно из первых мест занимает она в ветхозаветных писаниях, а особенно в Псалтири. Псалтирь ставит ее со всей горячностью и в очень смелых, дерзновенных выражениях. «Боже отмщений, яви Себя! Восстань, Судья земли, воздай возмездие гордым. Доколе, Господи, нечестивые... торжествовать будут? Они изрыгают дерзкие речи; величаются все делающие беззаконие; попирают народ Твой, Господи, угнетают наследие Твое» (Пс. 93:1–5). «А я, – едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье... их... и говорят: «как узнает Бог? и есть ли ведение у Вышнего?»" (Пс. 72:2–6, 11).

И тот же псалмописатель в том же псалме дает ответ на свой ропот и недоумение и на уныние от царящего зла. Нет, весы правосудия существуют, возмездие в свое время приходит. «Однако за неправду Ты положил им злое, низложил их, когда они возгордились. Как пришли они в запустение? Внезапно исчезли, погибли за беззаконие свое» (Пс. 72:18–19). И раскаивается певец в своем бывшем малодушии: «я был невежда и не разумел; как скот я был пред Тобою» (Пс. 72:22). Теперь глаза его открылись: «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле!» (Пс. 72:25).

Не только о возмездии беззаконным говорит Псалтирь, надеющихся на Бога, верных Ему она утешает. С другой стороны, суммировать ее мысли можно следующими словами псалма: «многи скорби праведным, но от всех их избавит я Господь» (Пс. 33:20), т.е. скорби будут, но они преходящи. В тишине сердец Господь Свою благодать завещает верным Ему. «Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя и которые приготовил уповающим на Тебя пред сынами человеческими! Ты укрываешь их под покровом лица Твоего от мятежей людских, скрываешь

их под сенью от пререкания языков» (Пс. 30:20–21). Теми же отрадными мыслями весь наполнен известный 90 псалом: «Живущий под кровом Всевышнего» (Пс. 90:1).

И разве мало между нами лиц, которые, после пережитых в жизни событий, от всей своей души повторяют за псалмопевцем весь 123 псалом:

«Если бы не Господь был с нами, – да скажет Израиль, – если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас; воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею; прошли бы над душою нашею воды бурные. Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша – в имени Господа, сотворившего небо и землю» (Пс. 123).

Триединый, Триипостасный Бог

Бытие Бога «неизреченного, невидимого, непостижимого... Всесвятую Троицу во Единице» исповедуем мы. Бог троичен в Лицах, и нет Лиц больше или меньше, в троичности выражена вся полнота Его бытия: Бог над нами, Бог с нами, Бог в нас и во всем творении.

Над нами – Бог Отец, Источник приснотекущий, по выражению церковной молитвы, Основа всякого бытия, наш Отец, любовь наша, мы – дети Его, творение рук Его.

С нами – Бог Сын, рождение Его, ради любви божественной явивший Себя людям Человеком, чтобы мы знали и глазами своими увидели, что Бог с нами, совершеннейшим образом, «приискренне» приобщившийся к нам.

В нас и во всем творении – Бог Дух Святой, все Наполняющий: Иже вся исполняй, жизни Податель Животворящий, Живущий Своей промыслительной силой во всем и во всех, изливающий Свою благодать святости на Церковь Сына Божия, на верующих, чтобы возвысить их и удостоивать общения с Богом в этой жизни и удостоить вечной жизни в Боге.

Апостол Павел учит нас: «един Бог и Отец всех, иже над нами (по изъяснению св. отцев, Бог Отец), и через всех» (Бог Сын) и во всех нас» (Бог Дух Святой) (Ефес. 4:6).

В праздник Пятидесятницы поет Церковь:

«Едина Сила, едино Существо, Едино Божество, Ему же поклоняющиеся вси глаголем: Святы́й Боже, вся содеевый Сыном, содействием Святого Духа; Святы́й Крепкий, Им же Отца познахом и Дух Святы́й прииде в мир; Святы́й Безсмертный Утешительный Духе, от Отца исходяй и в Сыне почиваяй: Троице Святая, слава Тебе».

Чтобы вера была основой жизни

Что нужно, чтобы вера наша была спокойной, не шаткой, руководила нами, направляла наши поступки, была действенной, спасительной, целительной, утешительной? Что нужно, чтобы вопросы жизни не мучили, не выводили из духовного равновесия? Что нужно, чтобы не были мы тростями, колеблющимися от всех ветров?

Для этого нужно принадлежать к Церкви духом и телом, жить с нею одной жизнью. Один в поле не воин. А в Церкви – один за всех и все за одного, под водительством Христовым и в благодати Духа Божия. В Церкви мы, как дети в доме своих родителей, защищены со всех сторон, имеем о нас заботу, духовную пищу, духовное тепло и свет. К ней несем наши огорчения, в ней находим лечение от болезней духа и тела.

Полноту жизни Церкви находим в храме. В этом святом доме рождены мы для жизни вечной в Крещении, в этом доме будет наше последнее прощание с земной жизнью, здесь будет сохраняться память о нас и будут возноситься, по смерти нашей, молитвы о нас.

Тем, которые говорят: «я не вижу Бога»

Хотите знать человека, который ничего для себя не требует от жизни и всегда доволен жизнью; не заботится о своем здоровье – но полон энергии, почти без отдыха – и всегда бодр; не имеет богатства и раздает тысячи; врачует тяжело больных – не имея отношения к медицине; не гонится за славой, но всенародно известен; не ищет никаких удовольствий и всегда радостен; у кого в душе всегда мир, расположение к людям, нет никогда ни злобы, ни зависти, ни вражды, ни чувства обиды; полон смирения, но совершает великие дела; чей ум ясен и сердце открыто для всех; живет своей глубокой внутренней жизнью и в то же время полон деятельной любви к ближним и дальним?

Таким был о. Иоанн Кронштадтский, современник еще живущего старшего поколения. Где черпал свои силы кронштадтский пастырь? На страницах своего дневника о. Иоанн отвечает на наш вопрос много раз одним и тем же выражением: «Господь все для меня». Вот его слова:

«Что успокаивает меня в мыслях и сердце моем, то да предается письмени в память для меня и в постоянный покой сердца моего среди попечений и сует жизни. Что же это такое? Это – христианское, полное живого упования и чудной, успокоительной силы изречение: все для меня – Господь. Вот бесценное сокровище! Вот драгоценность, с которой можно быть спокойным во всяком состоянии, с которым можно быть и в бедности богатым, и при обладании богатством – щедрым, и с людьми любезным; с которой и по согрешении нельзя потерять упования. Все для меня – Господь».

«Господь все для меня: Он сила сердца моего и свет ума моего; Он движет сердце мое ко всякому благу; Он укрепляет его; Он и мысль благую дает мне; Он – покой мой и радость; Он моя вера, надежда и любовь; Он пища моя, питье мое, одежда моя, жилище мое. Как мать бывает всем для младенца: и умом, и волей, и зрением, и слухом, и вкусом, и обонянием, и осязанием, и пищей, и питьем, и одеждой, и руками, и ногами, – так Господь все для меня, когда я совершенно предаюсь Ему.

«Господь совершеннее всего доброго, что я мыслю, чувствую, делаю. О, как беспредельно широка действующая благодать Господа во мне! Все для меня Господь, и так ясно, постоянно. Моя – только греховность, мои – только грехи.

«Господь – бытие мое, Господь – избавление от вечной смерти, Господь – вечная жизнь моя, Господь – очищение и избавление от многих

прегрешений и освящение мое, Господь – сила в немощи моей, упование в малодушии и унынии моем, Господь – животворящий огонь в холодности моей, Господь – свет во тьме моей, мир в смятении моем, Господь – заступник в искушениях моих. Он – мышление мое, желание мое, деятельность моя, люби и благодари непрестанно Господа! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его, очищающего все беззакония твоя, исцеляющего все недуги твоя, венчающего тебя милостью и щедротами, исполняющего во благих желание твоя».

«Все для нас Господь, и мы сами по себе мало что можем сделать».

Вот какой источник сил и радости и жизни видит для себя и указывает нам о. Ионн.

«Вот перед нами живой человек: его глаза устремлены на нас, его уши открыты к слушанию, перед нами тело и душа его, но тело мы видим, а душу нет. Не видим его помышлений, его желаний, намерений, между тем, как нет мгновения, в котором душа его не мыслила и не жила соответственным ей образом. Так точно перед нами, около нас и в нас природа видимая, весь прекрасный мир Божий; мы видим в нем везде жизнь, стройный порядок, делание, но не видим Виновника жизни и порядка, не видим Художника, а между тем, Он во всякое время есть и во всяком месте, как душа в теле, хотя и не ограничивается им. Нет ни краткого мгновения, в которое бы Он, как Дух Всесовершеннейший, Премудрый, Всеблагий, Всемогущий, Вездесущий, не мыслил, не изливался в благости и премудрости на тварей Своих. Нет и кратчайшего мгновения, в которое Он не прилагал бы к делу Своей премудрости и всемогущества, ибо Бог есть Существо самодеятельнейшее, в бесконечность производящее. Итак, ты видишь мир, но видь и примечай в нем везде Виновника его – Бога, везде в нем сущего, как исполняющего и все действующего и устрояющего».

«Вездесущие Божие есть пространственное и мысленное, т.е. везде Бог – в пространственном отношении и везде в мысленном: куда ни пойду я телесно или мысленно, везде я встречу Бога и везде мне навстречу Бог».

Эти прекрасные слова, принадлежащие о. Иоанну, разве не достаточны, чтобы убедить беспокойный ум?

Часть II

«Бог... творит всё, что хочет» (Пс. 113:11)

Принцип цели или закон причинности

Зачем? – Почему? – Эти два вопроса присущи каждому из нас еще с детства, как только проснулась в нас мысль, и мы начали владеть речью. «С какой целью?» и «По какой причине?»

В вопросе «Зачем?» кроется мысль о том, что будет впереди данного события или явления. С этим вопросом соединена религиозная точка зрения.

В вопросе «Почему?» выражена мысль о том, что предшествовало и вызвало явление данного события или предмета. С этим вопросом связана позиция позитивизма, как мировоззрения.

То, что относится к повседневной мысли можно отнести и к «вопросам вечности». «Причины» или же «цели» стоят ли на первом месте бытия всего существующего?

Современная, объявляющая себя научной, мысль, стремящаяся уйти от религиозных представлений и упирающаяся в принципы материализма, игнорирует вопросы «цели», отвергает их в главных темах бытия мира, а в житейской области сводит цели до минимума, внушая вам, что действия, как в общественных движениях, так даже и в нашей личной жизни, представляющиеся нам свободными действиями, по сути своей настолько определяются предшествующими обстоятельствами, что наша личная воля только подчиняется «закону причинности». Таким образом, по этому представлению, целесообразность, целенаправленность наших поступков только мнимая, и во всяком случае предрешенная в движениях «общественных». Не являемся ли мы, при таком взгляде, только игрушкой судьбы?

Конечно, такой взгляд для нас не приемлем. Не имея намерения входить в «научные» теории, нам следует обосновать наш христианский принцип в данном предмете мысли, не сомневаясь, что он есть и подлинно общечеловеческий. А от него определяется наше мировоззрение.

Две стихии в мире. Стихия мертвая

Вселенная (космос) состоит из двух разных стихий: мертвой и живой. Где мертвая стихия – там действуют строго-физические законы. Сущность действия их сводится к формулировке: «Причины и их следствия». Там масса «материи», преимущественно в ее грубой, почти дикой форме, и

физическая «энергия», то и другое в движении, с богатством элементов, соединения и разложения которых дают автоматически строгие и точные результаты. Эти следствия могут быть в совершенстве учтены, и на деле почти все изучены и исследованы точной наукой, и человечество пользуется знанием их в своих интересах и в своих нуждах, иногда же и во вред самому себе. В этой сфере – господство математики. Математика же сама есть совершенная точность. Математические законы строгие и неизменны. В приложении своем к мертвой природе, к установлению причин и следствий, математика являет и освещает нам строгое единообразие в истечении следствий из причин. В этой стихии мира закон автоматичен.

Законы разума и цели

Иное дело – в живой области мира. Жизнь сама по себе есть таинственная сущность, таинственнейшее бытие. В самых элементарных существах, начиная от невидимых простым глазом бактерий, налицо преодоление автоматичности и механичности. Живые существа, начиная от самых низких их форм, обнаруживают собственную волю к движению; далее, в порядке возвышения и усложнения форм – стремление к питанию; далее – какие-то зачатки ориентировки; далее – способность ощущений, потом – сообразительности, а там уже некая рассудительность и «цель». И цели в разных направлениях. Конечно, здесь действует и закон «причинности», но он регулируется «собственным» стремлением: растение знает, когда ему полезно повернуться к свету, когда укрыть или раскрыть оболочку своего цветка. На небольшом земном шаре – какое богатство форм живых существ растительного и животного мира! А источником своего питания этот мир имеет мертвую материю: землю, воздух, воду и т. д.

И каким целесообразным здесь уже оказывается то, что мертвая природа неизменна в своих «законах причинности»! С каким удобством живая стихия имеет возможность пользоваться мертвой стихией!

В соединении же, в согласовании их – какая открывается для нас непостижимая деятельная Премудрость!

Жизнь удивительно умеет согласоваться с мертвой природой. Однако, самой ей присуща свобода. Жизнь не может замкнуться в железную клетку необходимости. И она находит в себе силы разбивать цепи мертвой природы. Ясно, что жизнь есть особое, особенное начало в мире, духовное по своему качеству, которому в потенциальном, как бы скрытом

состоянии присущи разум, чувство и воля, способность ощущений и реагирования на них.

Отсюда мы видим: Какое величие замысла! Какая полнота бытия в этом согласовании мертвого с живым: той области, где действует только закон причин и следствий, с областью, где одновременно царит и свободная целесообразность!

Человек

Человек – житель земли, он и распорядитель на ней. Но он же и сын земли. Он в большей степени, чем другие существа, принадлежит к живой стихии, однако он связан с плотью, взятой из мертвой природы, носительницы точного закона математической причинности, и сам нуждается в той ограде и удобстве, которая дает закономерность законов плоти. Однако, он способен и ограничивать это «давление необходимости», принадлежащей плоти.

Целеустремленность есть и у животного, но у человека она представляет собой в гораздо большей степени общий двигатель, направляющий, регулирующий и охраняющий его действия. Свобода духа жизни иногда лишь усложняет его положение при столкновении двух импульсов, исходящих из двух источников: плоти и духа.

Кроме того, в нас есть свои «причинности духа», причины, входящие в столкновение с нашей общей целеустремленностью. Не забудем и того, что мы, христиане, имеем свои законы христианской волевой причинности и целеустремленности. Все это создает сложность и вместе содержательность нашей внутренней жизни.

Общество

Общественная жизнь складывается из индивидуальных жизней, следовательно, ей присуще все то, что принадлежит каждому в отдельности. Однако, положение здесь усложняется. У каждого есть свой путь жизни, свои планы на завтрашний день, своя свобода и своя подчиненность необходимому. Все это по возможности приводится к согласию, но иногда возникают столкновения.

Но если мы признаем, что человек отличается от животных по высоте своей целеустремленности, (а такова же мерка и по отношению к обществу), – правильно ли будет назвать «истинным прогрессом» общества тот факт, что его стараются замкнуть в сфере только практической, удобной и комфортабельной жизни, по принципу

«рационального», чисто земного и, по существу, бессмысленного, краткого существования на земле каждого человека, а вместе – и всего человечества? Такой именно прогресс признается ныне истинно научным.

Вселенная

Кто-нибудь с материалистической или агностической точкой зрения скажет нам: «Вы забываете, что земной шар есть крупинка во вселенной, и представляете его себе центром мироздания, и на этом строите ваши религиозные представления, делая заключение от единичного к всеобщему». Ответим на подобное замечание. В речи о Боге только и можно говорить, как о Творце и Промыслителе всей вселенной и нашем Спасителе. Сам же этот укор возвращается недоумением в том же направлении, откуда он исходит, когда мы слышим сообщения, якобы научного характера, но с некоторой как бы таинственностью, что, мол, имеется на земле такой элемент, который, при соответствующих комбинациях с другими ее элементами, дает начало и как бы вспышку жизни; нужно лишь, чтобы такая комбинация создалась, и возникнет семя жизни. Но, во-первых, среди точной закономерности, присущей земной материи, такого закона материи никто не открыл; остается предполагать неожиданную «случайность»? А с другой стороны, если земля – крупинка во вселенной, как это и есть, и если представлять на ней некую случайность и ставить ее образцом для возможного появления жизни во вселенной, то не покажется ли такое представление возникновения жизни похожим на детскую забаву? На деле же, фактически, мы видим, что во всех видах и родах живых существ жизнь передается от жизни. Таков ее закон.

Мы же преклоняемся перед величием той библейской священной панорамы, какая представлена со второго стиха первой главы книги Бытия и в сокращении избрана и предлагается нашему слуху в богослужебных чтениях, в паремиях трех самых великих наших праздников: Рождества Христова, Крещения Господня и пред пасхальной Субботы. Приведем начало и конец этого церковного чтения. Бытие, гл. 1, ст. 1 и 13:

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И был вечер, и было утро: день третий» (Быт. 1:1, 2, 11, 13).

«И сказал Бог»

В шести днях творения, по повествованию книги Бытия, ее первой главы, заключена полнота творения мира. Отдельные его акты выражены в трех кратких словах: «И сказал Бог». Ясно, что слово "сказал", повторенное девять раз, символизирует волю Божию и беспрепятственное, беспрекословное исполнение ее. При первом этом изречении, как читаем в тексте, мертвые массы усеиваются и наполняются живительным светом, необходимым для существования будущей жизненной стихии. При следующих этих кратких Божиих сказаниях ниспосылаются в мир как бы «семена или лучи жизни», сами по себе уже не физические, а свойства некоего духовного, невесомого, не поддающегося инструментальным измерениям. Этим крупинкам жизни надлежит привлекать к себе и оживлять частицы материи и земной энергии, и так наполнять земной мир живыми существами. Человек в этой сфере – высшее создание Божие, душа его есть носительница «дуновения Божия в лице его».

«И сказал Бог... И был вечер, и утро». Эти слова сказаны впервые о третьем дне, с дальнейшими повторениями их. Каждый вечер и утро суть начало и конец «ночного периода», когда совершается в каждом живом существе на земле, в том числе и в каждом из нас, невидимый и не осязаемый процесс роста, укрепления, освежения, восстановления и обновления сил. Утром встаем, и видим в природе что-нибудь новое: раскрывающийся цветок, а то и появление нового существа. Не таков ли процесс и в библейском повествовании? Так по аналогии с человеком, и в библейском повествовании: «И увидел Бог, что *это* хорошо" (Быт. 1:12) – читаем после каждого: «И стало так».

Повествование Моисеево написано им для людей земли, для его народа, для духовного их, да и нашего, наставления. Поэтому оно темой земли и человечества и ограничивается. Нам не запрещена возможность предположения состояния в других местах вселенной, подобного бытию земли.

Нашу мысль задерживает и поражает другое: высота духа и мысли пророка Моисея, его дерзновенное, по человеческому понятию, но боговдохновенное по своим признакам, принятие на себя задачи: дать общий образ происхождения мира, появления на земле человечества; первую его историю; историю своего народа, как богоизбранного; утвердить единобожие в нем и начать историю Церкви Божией – ветхозаветной. Имелся примитивный народный язык, чуждый отвлеченных понятий. Были примитивнейшие средства для письма. Но

задача исполнена: четыре с половиной тысячелетия тому назад!

Если принцип «цели» явно действует в области нашего земного мира, если здесь проявляется гармония в жизненной, живой его части, согласование с законами мертвой его природы, подлинность этой второй стихии живому началу и служение ему, если во всем этом видим глубокую разумность, стройность, – то отсюда проникаемся мыслью о благословении Божиим, о благодати Божией, – нам остается только радоваться величию создания вселенной, как и нашего земного мира; думать же и поступать так, чтобы быть достойными благодати Божией и даров Божиих, неподражаемо запечатленных в словах апостола Павла в послании к Римлянам:

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!.. Ибо все от Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь» (Рим. 11:33, 36).

Словом Господним небеса утвердишися

«В начале было Слово... Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. 1:1, 3).

«Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6).

В одной из статей нашей периодической церковной печати, где автор с достоинством говорит о четырех Евангелиях, о высоте и полноте выраженного в них христианского мировоззрения, высказана была однако неприемлемая, ложная мысль, что в Евангелии от Иоанна, в первых его стихах, «именование» Господа Иисуса Христа в греческом тексте «Логосом», – в славянском тексте – "Словом", – якобы заимствовано евангелистом из греческой философии: из иудейско-эллинской концепции александрийца-иудея Филона. «Хотя его мировоззрение и не совпадает в полной мере с Евангелием от Иоанна, но все же многое остается неясным без знакомства с этой философской концепцией».

Чувство христианина не может согласиться с этим утверждением.

Во всем составе книг Нового Завета – где вы найдете хотя бы попытку сближения христианских истин с греческой философией? Не называет ли апостол Павел мудрость века сего «Обольщением самих себя... Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их... Господь знает умствование мудрецов, что они суетны» (1Кор. 3:18–20). Кто укорит ап. Павла в слепой узости ума? И об ап. Иоанне скажем: была ли потребность обращаться к мирской философии тому, кто возвещает со всей силой духа: «сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус Христос есть Сын Божий?» (1Ин.5:4, 5).

Если бы евангелист Иоанн имел бы в своей душе некий своеобразный, таинственный образ «Логоса», ради коего он пишет Евангелие, он продолжал бы пользоваться этим именем Господа в своих творениях. Но этого нет. Та же первая глава Евангелия его наполнена другими именованиями Спасителя: «жизнь, Свет, Единородный Сын, Сущий в лоне Отчем, Агнец Божий, Мессия, Христос, Сын Божий, Царь Израилев, Равви, Сын Человеческий» (Ин. 1). И только в 14 стихе этой главы читаем: «И Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин. 1:14), ...но это так далеко от некоего философского образа, ибо далее читаем: «и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца... полное... благодати и истины» (Ин.1:14, 16, 17).

Да, Евангелие от Иоанна есть по истине Евангелие «Слова», но «Слова Божия», ибо оно почти все состоит из слов Самого Господа Иисуса Христа, а при этом Сам Господь свидетельствует: «Мое учение – не есть Мое, но пославшего Меня» (Иоан.7:16). Евангелие от Иоанна есть в точном смысле «Богословие». Оно является четвертым в порядке времени написания четырех Евангелий. Но в церковном сознании и в практике церковно-богослужебной оно есть «первое». Литургическим чтением его, и именно чтением первой главы: «В начале было Слово...», начинается круг годовых литургических чтений. Ради этого достоинства сам его писатель именуется в Православной Церкви «Богословом».

Мы должны решительно отвергнуть это утверждение автора статьи и подобные, как: «Иоанн воспользовался понятием Логоса, применил его к имени Иисуса Христа и придал этому понятию новый смысл».

Разве ап. Иоанн был кабинетным мыслителем, следившим за духом философии, греческой ли подлинной или в ее иудейско-александрийском преломлении? Тянулся ли его личный интерес к библиотечным папирусным или кожаным свиткам, хранившим философские идеи? Или воспользовался ли бы он для своей высокой цели случайной, на лету достигнутой им, идеей?

Есть еще одно лишь место, в тексте книг Нового Завета, с именованием Спасителя "Словом": в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова – 19 гл.: «И увидел я отверстое небо, и вот – конь белый, и сидящий на нем... имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: «Слово Божие» (Откр.19:11–13). Библейская экзегетика отчетливо видит в этом образе прямую связь с видением, как бы осуществление его, представленным у пророка Исаия в 63 главе его книги: «Кто это идет от Едома, в червленых ризах... Отчего... одеяние Твое красно, и ризы Твои как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один... и год Моих искупленных настал... Ты, Господи Отец наш... от века имя Твое: «Искупитель наш» (Ис. 63– 4, 16).

Согласованность этих двух мест в Новозаветном Писании: Евангелия и Апокалипсиса, помимо своего духовного значения, для нас еще ценна тем, что подтверждает принадлежность Апокалипсиса апостолу Иоанну, как писателю этого Откровения свыше. Для нас же в данном случае важно еще то, что именованием Господа здесь именно «Словом Божиим» устраняется всякая философская мысль о «Логосе», как некоем самостоятельном Начале, посредствующем между Богом и миром, или «Параклите» (как Логос назван у автора выше названной статьи). Параклитом же, или «Утешителем» (Иоан.15:26), именован в прощальной

беседе Господа с учениками Дух Святой.

На этом мы оставим в стороне наше внимание к названной статье. Но независимо от нее остается неясным вопрос: почему евангелист в первые строки своего благовестия вводит имя "Слово" – «Логос» в приложении к Господу Иисусу Христу? И в то же время, почему именно только эти строчки служат почти одиноким местом применения в Новозаветных книгах Священного Писания имени: Логос – Слово? Да простит нас святой Апостол, что мы своим грешным и низким умом как бы вторгаемся в его священную мысль, открыто и прямо не выраженную, в ту область души, что мы по отношению к нам самим называем подсознательную мыслью.

Внимание каждого христианина, знакомого с Библией, привлекается параллелью между началом ветхозаветной книги «Бытия» и началом Евангелия от Иоанна с первого же их слова. На этой параллели внимание остановим и мы.

«Эн архи» – "В начале" – первые слова обоих священных творений. Греч. «архи» имеет три основных значения: а) начало события или дела, в обычном, простом смысле слова; б) начальствования, господства, или власти; в) и в значении старого времени, прошлого, давнего, а в религиозном смысле – неограниченного временем, вечного.

В подлинном языке книги прор. Моисей применяет это слово в обычном, первом смысле: Бог, прежде всех Своих действий вне Себя, сотворил небо и землю. То же слово стоит первым в Евангелии от Иоанна, но св. апостол возвышает смысл греч. Слово «архи»: «В начале было Слово» – Слово, как личное Божественное бытие, «было в начале» – прежде всякого иного бытия, более того: вне всякого времени, в безграничной вечности. В том же Евангелии еще раз стоит это слово, в таком же значении; приводим этот стих. Когда иудеи спросили Господа: «кто же Ты? Иисус сказал им: от начала Сущий, яко же и сказал вам" (Ин. 8:25) – Тин архин, оти кэ лало имин. Так первые книги двух Заветов, Ветхого и Нового, начинаются одним и тем же выразительным словом; но оно в книге Нового Завета имеет более возвышенный смысл, чем в книге Бытия.

В дальнейшем тексте обеих книг, особенно в первых пяти стихах каждой, замечаем эту внутреннюю связь, пусть – не нарочито проведенную евангелистом, так как проведена она не в точной последовательности, но как связь, сама собой вытекающая из существа этих двух предметов речи. Здесь ясно определяется величие для нас новозаветных событий при сопоставлении их с ветхозаветными. Проводим эту параллель, ставя для ясности на первом месте книгу Бытия, на втором

– Евангелие.

Кн. Бытия:

Евангелие:

1. «В начале сотворил Бог» (Быт.1:1).

1. «В начале было Слово, и Слово было к Богу, и Бог был Слово" (Ин.1:1). Здесь истина Единобожия возвышается откровением второй ипостаси в Боге, выражение "было к Богу» поясняется далее, в стихе 16: «Единородный Сын, сущий в лоне Отчем» (Ин.1:18).

2. «И сказал Бог: да будет» (Быт.1:3).

2. «Все чрез Него (Слово) начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин.1:3).

Глагол "сказал" уточняется словами "сказал Словом», участием второй Ипостаси Божественной, Творцом всего мира, исполнителем воли Отца.

3. «Земля же была безвидна и пуста» (Быт.1:2) (безжизненна).

3. "В том (в Слове) была жизнь» (Ин.1, 4) (противопоставление).

4. «И сказал Бог: да будет свет» (Быт.1,3). Сказано о физическом свете.

4. «И жизнь была свет человеков» (Ин. 1:4). Предмет мысли неизмеримо возвышается, не смотря на обозначение одним и тем же словом.

5. В дальнейших стихах: «и тьма над... водами» (Быт.1:2).

5. О Слове, Сыне Божиим: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин.1:5) (противопоставление).

6. О Духе Святом: «и Дух Божий носился над водою» (Быт.1:2)

6. Приведены слова Иоанна Крестителя: «Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем» (Ин. 1:31, 32) (сопоставление).

7. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт.1:26, 27).

7. О Вочеловечении Слова:

«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин.1, 14) (сопоставление).

8. «И почил Бог в день седьмой от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 2:2).

8. Пришествие Слова на землю. Слава Спасителя: «отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к

Сыну Человеческому» (Иоан. 1:51) (сопоставление).

Это совпадение то мыслей, то словесных выражений между данными двумя священными книгами Ветхого и Нового Заветов, этот свет первого в церковном понимании Евангелия, падающий на первую книгу пророка Моисея, подтверждается словами самого апостола в той же первой главе его Евангелия: «от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин.1:16–17).

И нет надобности искать источник для имени «Логос – Слово», твердо вошедшего в христианство. Да это имя-понятие совсем не чуждо вообще Ветхому Завету. «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32:6), – сказано в Псалтири, бывшей в ежедневном чтении иудеев, в древне-еврейском ли тексте или в переводе 70. То же в псалме 147, в стихах 4 и 7; псалме 118, 89: "Во век слово Твое пребывает на небесах»; также: псалом 106:19–20.

Но еще яснее для нас светит прощальная беседа Господа с Его учениками. «слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца» (Иоан. 14:24). «Все, что Я слышал от Отца Моего, сказах вам» (Ин.15:15). «Все, что имеет Отец, есть Мое» (Ин.16:15). Вот основной предмет этой величественной беседы, как и последовавшей за ней первосвященнической молитвы Господней.

Православная Церковь с любовью восприняла наименование Сына Божия "Словом" и широко пользуется им, но всегда не в одиночном его виде, а с тем или другим его определением, атрибутом: «Бога-Слова родившую» («Достойно есть»): «Единородный Сыне и Слове Божий» (песнь на Литургии); «Вседержителю, Слово Отчее» (в молитвах на сон грядущим).

Догмат о вере

Наш учитель живой веры святой иерей Иоанн Кронштадский в книге «Моя жизнь во Христе» отмечает: «Вера есть ключ к сокровищнице Божией». Это очень ценное и мудрое определение веры. Вера открывает доступ к богатству божественных сокровищ жизни и вечности. Он продолжает: «Она (вера) обитает в простом любящем сердце. «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему»" (Мк. 9:23).

И еще пишет: «Вера – духовные уста: чем свободнее они раскрываются, тем большим потоком входят в нас божественные источники; свободно да раскрываются эти уста (в молитве), как и телесные уста; да не сжимаются сомнением и неверием: сожмешь их сомнением и неверием, и заключится для тебя сокровищница Божиих благ. Чем с большею открытою сердечностью поверишь Божию всемогуществу, – тем с большей щедростью раскроется для тебя Божие сердце. «Егда молящиеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам»» (Мк. 11, 24). («Моя жизнь во Христе», т. 1, стр. 242).

Вот поэтому-то веру можно назвать первым догматом христианства. Весь Новый Завет наполнен проповедью веры.

Трудно объяснить содержание понятия «вера». Апостол Павел о ней выразился так: «вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. 11,1). «Уповаемых извещение» – признание того, что несомненно есть, был и будет Тот, на Кого или на что и мы надеемся; здесь – внутреннее подтверждение, тайное извещение, что это так и есть. «Вещей обличение невидимых» – хотя не видишь, хотя не открыто во внешнем опыте, однако открывается невидимое чрез внутренний опыт: в расширении духовных горизонтов, в радости или другим образом – через молитву.

Вера тогда действительна и тогда действенна в человеке, когда ее предмет действителен, а не воображаемый только.

Вера влечет к соединению с тем, в кого или во что веришь.

Вера может быть сильна, если сам предмет веры обладает силой или принадлежит высшей Силе.

Вера радостна, но радостна тогда, когда верим в совершенное, в подлинное, в высокое или в возвышенное.

Истинная вера поднимает, окрыляет, укрепляет, делает непобедимым, очищает, возводит к небу. Такова вера христианская.

Но если предметом веры ставят ложное, она годна только для

разрушения добрых начал в душе; она и не долговечна и легко уступает другому подобному ложному предмету веры.

Когда люди привязываются своею верою к тому, что хотя бы и существует в действительности, но что само по себе – низко или зло, то такая вера понижает их самих нравственно, и они попадают в сеть нечистых сил.

Легковерие не есть вера. Легковерие есть выражение легкомыслия, поверхностное принятие людьми услышанного ими. Легковерие обнаруживает лень души, лень и наивность ума. Легко принятое, оно также легко и теряется.

Религиозная вера вносит содержание и смысл в жизнь человека. Она создает полноту духовной жизни. Она, хотя бы временно, частично, отрывает от низких и вообще земных интересов, вводит в область переживаний высоких, нравственно чистых, святых. Легко ли достигается такая вера? – Это зависит от душевного состояния человека, от наличного содержания его мыслей, привычек, устремлений. Чем чище душа, тем легче воспринимает она доброе, тем чувствительнее она к добру, тем легче откликается на зов к высокому. Однако, она суровее легковерия, она всегда требует некоторой жертвенности. Но зато сама эта жертвенность, при вере, становится более легкой, а в высоких, редких случаях приводит к радостному самопожертвованию. Такая вера почти не требует видимых или умственных доказательств. Потому и Евангельское: «блажены не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20,29).

Бывает не грешное неверие: это вера еще не укрепленная, соединенная с сожалением о слабости своей души. «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9, 24): это признание не препятствовало исцелению бесноватого отрока, по Евангелию. Была вера апостола Фомы, соединенная с жадой – жадой ее полноты, ее крепости, выраженная в словах: «если не увижу... не поверю» (Иоан.20:25), в смысле – не буду иметь той радости, какую даст мне «видеть», какую имеете вы. Так бывает, что сомнение или «недоверие» к благовестию истины показывает не иное что, как исключительную важность этой вести для человека, а вместе и чистоту или высоту его души, как это мы видим у апостола Фомы.

Религиозная вера не есть вера в свою собственную силу. Глубоко ошибаются некоторые религиозные секты, когда учат о благотворности и ценности веры «самой в себе», веры в то, чего хочется: убеждать самого себя в своем здоровье, веры в удачу, веры в благополучие свое собственное. Такая вера – самообман и враг христианства.

Уверенно называем христианскую нашу веру первым догматом христианства. Именно этим словом начинается наше ежедневное исповедание основ христианства: «Верую во единого Бога», по Никео-Цареградскому символу.

По образному выражению св. Иринея Лионского, вера есть сосуд для черпания воды живой: живая же вода есть благодать Божия.

«Без веры невозможно угодить Богу, ибо требуется, чтобы человек верил, что Бог есть, и ищущим Его воздает» (Евр. 11:6).

Потому нам заповедуется: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте» (2Кор. 13:5) – проверяйте себя, в вере ли вы, наставляет апостол.

К какой способности души принадлежит вера: к уму ли, к воле, к чувству?

Отчасти, предмет нашей веры мы храним в уме. Однако, она есть нечто иное, чем знание, нечто гораздо большее, чем то «убежденное предположение», какое часто встречается в нашей жизни. Она имеет особую движущую силу.

Она не может быть названа «волевым явлением», ибо, хотя вера двигает горами, христианин отказывается от своей личной воли, предавая себя в волю Божию: «Да будет воля Твоя на мне грешном».

Чувство ли она? Но она сложнее отдельного чувства: в ней есть элементы страха, почитания, благоговения, смирения. Значит, она пронизывает весь душевный состав.

Вера действительна, когда душа соединяется с благодатью Божией. А это наиболее бывает тогда, когда она окрашивается, соединяется с любовью: по апостолу Павлу – «вера, действующая любовью», что так хорошо выражено на церковно-славянском языке словами: "вере любовью споспешествуем»(Гал. 5:6), как бы они вдвоем, вместе шествуют; как бы в действии поддерживают одна другую.

Вера – действующая сила. Но действует она не силой воображения и не самогипнозом, как это представляется некоторыми сектами, а тем, что она связывает с источником всякой силы – с Богом. «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин.7:38), сказал Господь.

На вере создана Церковь Христова, как на скале, на твердыне каменной. "Верою святые побеждали царства, творили правду... заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острие меча, укреплялись при немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр. 11:33, 34).

Как же понимать Господни слова, обращенные к апостолам: «если... будете иметь веру с горчичное зерно и скажите горе сей: двинься и ввергнись в море, и не усомнитесь, – будет вам" (Мф.21:21; Мф.17:20; Мк.11:23)? Не говорил ли Господь о возможности развития в себе веры в свою собственную силу?

Конечно, нет. Совершенно нет. Зерно горчичное, как ни мало оно, имеет в себе полноту жизни, в направлении ему назначенному, без малейшего ущерба; будучи живым, оно при малейшей доле «материальной», несет в себе неповрежденное «жизненное начало» и без малейшего уклона, как бы без собственного греха, идет к своему назначению и достигает его. Спаситель говорил об идеальном совершенстве, к которому должны стремиться христиане, говорил о верхе святости, соединяющий верующего с Богом: божественная сила же – безгранична. Апостолы и все святые чудотворцы последующих времен всегда совершали исцеления и другие чудесные действия именем Господа Иисуса Христа, силой веры в Него и силой молитвы Ему, или именем Пресвятой Троицы, во исполнение слов: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин.14:12). Когда народ, пораженный тем, что апостол Петр исцелил человека хромого от рождения, сбежался к апостолам Петру и Иоанну, Петр сказал народу: «Вы смотрите на нас, как будто мы силою своею или благочестием сделали то, что он ходит?.. ради веры во имя Его (Господа Иисуса Христа, Сына Божия), имя Его укрепило сего (человека), которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами» (Деян. 3:12, 16).

Сущность христианства – вера в Сына Божия, Единородного, пришедшего во плоти для спасения людей, для вечной жизни в Боге. Цель всех новозаветных Писаний – утвердить в этой вере призванных и отозвавшихся на призыв, как читаем в конце предпоследней главы Евангелия от Иоанна. В принципе все историческое христианство, христианство в широком смысле слова, стоит как будто на этом основном пункте веры. А между тем оно раздробилось на множество течений, отмежевавшихся одно от другого. Не удивительно, что более чуткие из христиан задумались над приведением разномыслия и разделения к единству. Идея исходит из протестантизма. Для них очень желательно вступление в это «движение» старых исторических церквей, несмотря на чуждую протестантам «ортодоксию» и консервативную внешность их. Представители православных же церквей, находящихся в тяжелых условиях, надеются видеть в этом движении некоторую защиту для себя и

потому отзываются на призыв.

Слабы надежды одних, жалки надежды других. Показательно, что организованный атеизм не враждебен этому движению и даже поддерживает его.

Напрасно православные, вступающие в это движение, поступаются, своего рода – жертвуют рядом пунктов своей православной веры. Забыто главное. Потеряно главное. Всё неправославное христианство потеряло Церковь. И православные, входя в «движение», в экуменизм, не понимают, что они уходят от Церкви. Ибо Церковь не есть собрание или союз мало верующих и грешников, предводимый «учеными богословами». Церковь есть бытие или единый духовный мир, небесно-земной организм, коего Глава – Христос. Церковь имеет полноту святости. Она имеет полноту единства. В ее духовном первенствуют Апостолы. Она есть подлинно вселенская, ибо обнимает небесных и земных. И мы, земные, в ней живем, ее духом дышим, однако в ней мы все еще «званные». Даже принятые в нее, мы, избранные, но мы еще не имеем одежды, чтобы войти в Чертог Христов. «Чертог Твой, вижу, Спасе мой, украшенный, но одежды не имам, да вниду в он (него)». Нам еще грозит опасность сойти с пути, как многие и многие потеряли его. Мы в Церкви, но в разряде «спасаемых», а не спасенных. И потому мы особенно должны быть верны Церкви, где для нас есть помощь наших небесных наставников и братьев.

Верую в Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, которая была, есть и будет до конца мира.

От познания к Богопознанию

«Посмотри на полевые лилии, как они растут: не трудятся и не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Матф. 6:28–29).

«Что можно знать о Боге, явно... Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:19–20).

Нам привычно пользоваться дарами природы для удовлетворения наших жизненных нужд. Приходится, впрочем, иногда и защищаться от силы природы; бывает – и бороться с ней. В полной силе имеется и научное исследование природы. Это научное отношение к ней почти целиком направлено к разнообразному использованию ее мощи и ее материала в практическом, утилитарном направлении. Эстетическая забота о мире растительном по существу диктуется желанием украсить обстановку нашей жизни, она таит в себе элемент самоуслаждения, тоже в своем роде корыстный. И только, может быть, представляется в большинстве случаев бескорыстным изучением мира животных, с научными наблюдениями и опытами, но оно обычно наперед обвешено материалистическим мировоззрением и подходом. Этот утилитарно-земной характер познания природы в ее совокупности ныне представляется полным, умным, рациональным.

Однако, конечно, есть немало людей, для которых не вполне приемлема односторонность такого направления, его узость и его эгоистичность, его даже нездоровое влияние на душу. Если человечество в его целом заявляет: «Все для нас», то индивидуальная мораль делает заключение: «Что предо мной, то для меня». – И вот один из мотивов к нарушению законов общественной жизни и к преступлениям. Таково простое, естественное умозаключение.

Мы же живем христианскими представлениями, даже независимыми от этих практических выводов. Перед нашим разумом – природа во всем своем величии. Она полна неразгаданных тайн. Она полна разумности, едва ли до конца доступной для человеческого ума. В самых обычных явлениях ее открываются до сих пор не разгаданные силы. Вселенная как в своем целом, так и в частностях, имеет свою направленность, согласованность, целеустремленность. Она полна разумности.

Нам остается открыто признать, что она не нуждается в заботах о ней человека. Более того, наша деятельность часто является только

нарушением ее прав; на огромных пространствах земли место живой растительности заняли мертвые площади или бездушные сооружения.

Однако, величие творческой Божеской десницы, явленное в природе, этим не умоляется. «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь» (Пс. 18:1). Поэтому наши наставники, отцы и учителя Церкви, как далекого прошлого, так и более близкого к нам, часто направляют наше внимание к природе – проповеднице могущества, благодати Божией, величия Божия. Так, св. Василий Великий в своем письменном творении «Шестоднев» представил нам картину рождения вселенной во всем ее разнообразии, по повествованию книги Бытия. Вслед за ним, его брат, св. Григорий, епископ Нисский, отозвался по тому же предмету, несколько дополняя и уясняя сказанное Василием, а в частности, остановив особое внимание на происхождении человечества. Преп. Иоанн Дамаскин в догматический свой труд «Изложение веры» даже внес отдел о движении светил и общем их строе, соответственно теме представлениям, какие были в науке того времени. И столь близкий нашему времени русский пастырь, св. прав. о. Иоанн Кронштадский, не только в своем дневнике «Моя жизнь во Христе» призывает видеть Бога в природе, но он провел длинный ряд бесед перед своей паствой о жизни природы, применительно к шести дням творения по Библии.

Здесь передаем, в качестве примера, некоторые рассуждения и живые образы, взятые из жизни в растительном царстве и в строении человека, данные в труде св. Григория Нисского «Об устройстве человека».

О природе

«Представим себе в уме сад. В нем произрастают тысячи разных древ и другие всякого рода растения, у которых в каждом весьма различны и наружный вид, и окраска, и качество растения. Столько растений на одном месте, все питаются одной и той же влагой! Хотя сила влаги, наполняющая каждое из них, по своему естеству одна, однако же питаемые растения прелагают влагу в разные им нужные свойства. Одна и та же влага в полыни горкнет; в цикуте делается ядовитым соком, а в чем другом – в шафране, в бальзаме, в маке приобретает иные свойства: в одном – разгорячающее, в другом охлаждающее, а в ином показывает среднее качество... В лавре, в нарде и в подобных растениях – она благоуханна; в смоковнице и в груше – сладка; в виноградной лозе обращается в гроздь и в вино. И кислота яблока, и румянец розы, и белизна лилии, и голубоватость фиалки, и пурпуровый цвет гиацинта, и все что можно

видеть на земле, прозябая из одной и той же влажности, различается таким множеством разнообразия во внешности, в своем строении и в качествах».

Святитель видит во всех этих явлениях чудесное дыхание жизни. Его он называет то «жизненной силой», то как бы «умом», то своего рода «душой». Это последнее понятие он разлагает на три вида: в растительном царстве – «душа растительно-питательная»; в мире животных – «душа чувствительная»; в человеке – «душа разумная». Здесь три последовательных ступени, тесно друг с другом связаны. И человек, от момента своего зарождения, проходит начальные стадии, прежде чем в полном виде раскроется его собственная разумная душа, от начала уже потенциально ему присущая.

Следуя по стезе, прокладываемой святителем, мы могли бы добавить, что заметные первые зачатки «чувствительности» имеют и растения, именно, к свету, к теплу, даже и к чужому прикосновению, а может быть даже имеют способность реагировать на «ощущения», а также инстинкт привлекать к себе внимание стороной эстетической. Сколько же об этом могут рассказать нам ботаники!

Последуем дальше за святителем. Он пишет о человеке:

«Нечто подобное и на одушевленной нашей ниве чудо творит природа, или, лучше сказать, Владыка природы. Кости, хрящи суставов, кровеносные бьющие жилы, волокна, связки, само тело, кожа, жиры, волосы, железы, ногти, глаза, ноздри, уши и все сему подобное и сверх того тысячи других соединений, отличающихся одно от другого разными свойствами, – все это питается одним родом пищи, свойственно своему естеству, так что пища, приблизившись к каждому из членов, в то и изменяется, к чему близка, делаясь свойственною и сродною с качеством сего члена. Если будет в глазу, то сорастворится с этим зрительным органом и, как свойственно разностям в строении глаза, удалится каждому из них. Если приливает к слуховым органам, смешивается с естеством слуха; вошедши в губу, делается губой; в костях отвердевает; в мозжечке размягчается; переходит в напряжение в мышцах, растягивается по поверхностям в виде кожицы, обращается в ногти, утончается до того, что производит из себя волосы, притом – то вьющиеся, кудрявые, если будет идти извилистыми движениями, то прямые и длинные при прямых линиях ее движений».

Снова здесь просится мысль дополнить сказанное полторы тысячи лет тому назад представлениями наших дней. Сегодня в нашем распоряжении результаты таких изобретений XX века, еще более – последних его десятилетий, что казалось бы, некоторые из них превосходят естественные

силы природы: человек превзошел мудрость, скрытую в природе, усовершенствовал ее блага. Так – на поверхностный взгляд. Но достаточно повернуть наш взор вглубь самих себя, и увидим, что всем этим культурным достижениям, вплоть до компьютера, соответствуют Божие дары, не меньшие из глубины веков, что мы носим их в самих себе и широко пользуемся ими. Так, в нашем головном мозге, в этом скромном-скромном футлярчике, мы имеем не подсчитанное число помещений, где находятся собственные наши словари разных языков, если мы языки изучали, или только свободные для них; миниатюр-библиотеки, составленные из записей нашей памяти; архивные склады, наполненные нашими материалами для воспоминаний из всей жизни; заученные или запавшие в душу вокальные и музыкальные произведения; имеется там фотографический аппарат и сохраняются его бесчисленные снимки; находясь в уединении, имеем в самих себе аудиторию и свой класс для самообразования. Наши мозговые аппараты дают возможность в любую минуту воспроизводить содержание слышанной речи, вокальные произведения и зрительные картины, там запечатленные. Мы храним в нашем мозгу наши духовные ценности, но часто там оставляем и ненужный хлам. Все это принадлежит нашей бессмертной душе, а хозяином и распорядителем этого добра является наш ум, рассудок, он и оценщик своих коллекций. Его же обязанность – связывать наше душевное содержание, хранимое необъяснимым образом в нашем телесном органе, со всею окружающей нас жизнью при помощи ряда других телесных органов.

Святитель Григорий предлагает читателю мысленно поставить рядом человека, как творение Божие, и скульптурное или живописное изображение человека: какая разница между творческой силой Божией и подражательным творчеством людским! Так, скажем, вслед за святителем, все современные достижения нашего ума пригодны ли к тому, чтобы их поставить в прямую параллель с устройством нашего духовно-телесного организма? Приравнять к жизненному, живому делу непостижимого Бога Творца и Промыслителя – безжизненное, искусственное, мертвое, гением человеческим достигнутое?

О составе и назначении человека

Святитель отмечает, что в его время был предметом «недоумения в церквах» вопрос, что создано раньше: тело или душа человека? Отзываясь на него, он отрицает саму постановку вопроса. Ни тело без души, ни душа

без тела: они в своем происхождении одновременны. А иные два мнения баснословны так же, как и учение о переселении душ.

В естестве человеческом, как уже сказано, действуют все три силы: растительная, чувствительная и разумная. «Но – не три души. Истинная и совершенная душа по естеству одна, умная и невещественная, посредством чувств соединенная с естеством вещественным». «Поскольку совершенство души заключается в силе ума и в даре слова, то все, что не таково (в природе), может быть только чем-то подобоименным душе, однако же есть не действительная душа, а лишь некая жизненная деятельность, приравниваемая к душе».

«В каком месте должно полагать владычественное души? Одни полагают, что владычественное души – в сердце, другие говорят, что ум пребывает в головном мозгу». Первые в доказательство приводят местное положение сердца, средину всего тела, благодаря чему произвольное движение удобно уделяется всему телу. Вторые видят храм рассудка в головном мозгу, говорят, что голова устроена природою, как некая твердыня всего тела, как некий царь, в ней обитает ум, окруженный чувствительными пунктами мозговой оболочки, как бы его вестниками и охранителями. «Признаю и я справедливым, что в основании чувствований лежит мозговая оболочка, по словам естествословов, покрывающая собою головной мозг; что поэтому мыслительная сила души часто приводится в замешательство; слыша от занимающихся анатомическими исследованиями, не отрицаю таких утверждений... Не умаляем и значение сердца... Но да умолкнет всякое водящееся догадками пустословие людей, заключающих мыслительную деятельность, как в сосуд, в каких либо телесных членах... Душа и ум принадлежат всему телу, всем членам; они же и возвышаются над всем... Но поскольку тело устроено подобно музыкальному орудию, то как нередко случается в музыке, что искусные не могут показать свое искусство из-за негодности инструмента, – так и ум, действуя ли на целое орудие – свое тело, или на отдельные члены, достигает успеха там, где члены находятся в должном естественном состоянии; а где сами члены тела не в нормальном естественном состоянии, там он остается безуспешным и бездейственным».

Общее совместное начало телу и душе, по высшему закону, положено «Божиим соизволением», так что человек «ни старше, ни моложе самого себя»... Как о пшеничном зерне или о каком-либо другом семени говорим, что оно потенциально заключает в себе все, относящееся к его будущей зрелости: зелень, стебель, колос на стебле, плод, и ости на нем», – так же утверждаем, что имеются обе составные части организма в том, что

просеивается для начала жизни человека, со всеми их свойствами. Отличительный вид личности уже содержится в его возможностях. «Признаем, что исходящее от живого (организма) для начала своей жизни не есть что-либо мертвое и неодушевленное. Мертвенность же происходит от утраты души».

«Как тело из самого малого приходит в возраст совершенный, так и душевная деятельность развивается и раскрывается в человеке, соответственно развитию тела. При первоначальном развитии тела, подобно некоему корню, сокрытому в земле, предшествует в самой душе одна растительная сила... Потом, когда это растение выйдет на свет и свой росток покажет солнцу, расцветает дар чувствительности. Когда же созреет и достигнет соответственной высоты, тогда начинает просвечивать, подобно некоему плоду, разумная сила, не сразу вся, но быстро возрастая вместе с ростом своего телесного орудия, принося по силам человека свой плод».

Образ Божий в человеке

Эта тема в наши дни в некоторой степени актуальна, ввиду того, что с нею связаны в русской богословско-философской мысли у отдельных лиц софиологические представления о некоем наличии женского начала в Божестве. Отсюда – своеобразное толкование Бытия 1 гл., 27 ст.: «И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его; мужа и жену сотвори их» (Быт.1:27). Применяя, вопреки законам логики, способ обратного умозаключения, находят в этих словах Библии поддержку к мысли о таинственности «Софии» в Боге, как женской ипостаси.

«Что означает словом «образ»? И как в образе есть мужской и женский пол, когда нет их в «Первообразе»? – читаем в заголовке 16 главы названного выше сочинения святителя. Передадим в кратком виде содержание этой и последующих глав.

Некоторые из язычников говорили: «Человек есть малый мир, состоящий из одних и тех же со вселенною стихий». Но громким этим именованим сами того не заметили, что почтили человека свойствами комара и мыши... Ибо что важного в этом – почитать человека образом и подобием мира, когда и небо приходит и все сущее в нем? По церковному же учению, величие человеческое не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу естества Самого Сотворившего все.

Что же обозначается словом «образ»? Ведать это ясно принадлежит одной самой Истине. А мы, сколько можем, только догадками и

предположением думаем так.

С одной стороны, жалкая бедность естества человеческого не уподобляется блаженству бесстрастной Божественной жизни; а с другой стороны, – Слово, изрекшее эти слова, не изрекает ложь. Почему же Божественное естество Блаженно, а человеческое бедственно, если в Писании последнее именуется подобным первому? Исследуем с точностью сами эти речения. Сказано: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию... И сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его» (Быт.1:26, 27). Творение по образу приводится к окончанию. Потом делается повторение сказанного уже, и говорится: «мужа и жену сотвори их», что чуждо удобопредставляемому о Божестве. Посему устройство естества нашего есть как-бы двоякое: одно уподобляемое естеству Божественному, а другое – иное, разделяемое на разные два пола... «Ибо думаю, что Божественным Писанием в сказанном преподается некий великий и возвышенный догмат, и он таков: Человеческое естество есть среднее между двух неких, одно от другого разделенных и стоящих на самых крайностях между естеством Божественным – бестелесным и между жизнью бессловесной и скотской: из Божественного – словесность и разумность; а из бессловесного – телесное устройство, с разделением его на мужской и женский пол...» «Да не прогневается на меня кто-либо о последующей мысли. Бог, по естеству Своему, есть всякое благо, какое только можно обнять мыслью, и выше всякого блага, мыслимого и постигаемого. Он творит человека только потому, что благ, и соделывает его не скудным в благах. И слово Божие, совокупив все блага, данные человеку, обозначало их кратко: создан «по образу Божию». Если Божество есть полнота благ, а человек его образ, следовательно, нам предоставлена возможность всего прекрасного, всякой добродетели и мудрости; и одно из этих благ – быть свободным, потому что добродетель есть нечто неподвластное, свободное». Таковым является все человечество, наименованное, в лице первого человека, «Адамом» (перстным). Принужденное же и невольное не может быть добродетелью.

С большой осторожностью святитель отзывается на вопрос: почему для человечества избран данный способ размножения, а «не подобный жизни Ангелов», и отвечает: «Наше мнение таково», и рассуждает так: «Поскольку вперед «всеведующей силой» предусмотрел Творец, что произволение человеческое не пойдет прямым путем к прекрасному, и потому отпадет от равноангельской жизни, то, чтобы не сделалось малым число душ человеческих, утратив тот способ, каким Ангелы возросли до множества, – Творец промышляет иной способ размножения, сообразный

для впавших в грех, насадив в человеке способ взаимного преемства скотского и бессловесного. Потому то, кажется мне, и великий Давид, сожалея о бедности человека, такими словами оплакивает человеческое естество: «Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают» (Пс. 48:21)".

«Думаю, – продолжает св. Григорий, – что и всякая страсть от сего начала, как из некоего источника, наводняет нашу жизнь... Сластолюбие, имея началом уподобление бессловесным, возросло в человеческих поступках при содействии помыслов. Отсюда мстительность, зависть, лживость, злоумышленность, лицемерие. Все это произращено худым деланием ума. Но и наоборот, если рассудок воспримет власть над таковыми движениями, то каждое из них превратится в вид добродетели. Так, раздражительность производит мужество, робость – осторожность, страх – покорность, ненависть – отвращение от порока, сила любви – вождение истинно прекрасного, а величавость нрава (сознание своего достоинства) возвышает над страстями... Так великий апостол повелевает постоянно мудрствовать "горняя" (Колос. 3:2). Тогда возвышенность мысли сообразуется с красотой того, что по образу Божию. В ком не померкла красота, теми ясно подтверждается верность сказанного, что человек сотворен, как Божие подобие».

Правящий всеми Бог предусмотрел достижение полноты человеческого рода, и тогда кончится сей способ рождения людей; а тогда кончится и время, и совершится обновление вселенной, а с изменением целого последует и переход человечества от тленного и земного к бесстрастному и вечному, когда прозвучит труба воскресения.

Итак, хотя человек и грешит после своего падения в раю, однако образа Божия не утратил, имея ум (разум) причастный к Первообразу своему. «Поскольку прекраснейшее и превосходнейшее над всеми благами есть само Божество, то ум украшается подобием первообразной красоты, как зеркало, отражая то, что стоит пред ним, а тогда и вся его душевная природа держится ума и сама украшается подобной ему красотой, делаясь как бы зеркалом зеркала; а этим путем далее охраняется и поддерживается и вещественная сторона человека. Так, «пока одно другого держится, происходит соразмерно во всем отражение истинной красоты: посредством высшего украшения непосредственно за ним следующее, низшее. А когда произойдет некое расторжение этого доброго единения, или когда высшее будет следовать за низшим, тогда, как только это само низшее вещество отступит от своей нормы, обнаруживается его безобразие (потому что вещество само по себе безобразно и не устроено), а отсюда,

по безобразию его, портится красота естества, украшенного умом. Происходит передача нечистоты самому уму, так что в чертах творения уже не усматривается образа Божия. Ум, сам в себе оставаясь образом доброты, подобно кривому зеркалу, не отражает светлых черт добра, а отражает безобразие вещества. Отсюда, изъятием прекрасного, совершается вход зла».

«Мы же, опасаясь такого углубительного исхода, – заканчивает святитель свой труд, – по призыву Павла апостола: «совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется... по образу Создавшего его» (Кол. 3:9–10), – да возвратимся к той боговидной благодати, с которой в начале сотворил Бог человека, сказал: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию»".

Когда знакомимся с творениями святых отцов, особенно IV-V веков, нам остается только преклоняться перед тем, как отцы Церкви в совершенстве знают и пользуются своим знанием Священного Писания, а с другой стороны, удивляться иногда, как иные из них обнаруживают при этом богатую осведомленность в науках их времени: исторических, в естествознании (как в данном примере), в философии и даже языческой мифологии (как у св. Григория Богослова), поскольку это шло в пользу для создания мировоззрения чисто христианского. Данный краткий экскурс в одно из творений св. Григория Нисского, конечно, не предназначен для того, чтобы представить, в каких подробностях он рассматривает в нем анатомическое строение человеческого организма и всех его органов, основываясь на знаниях его времени, чтобы показать благоприятные условия у человека, для исполнения своего призвания «быть другом Божиим» (Исх.33:11), как назван в Библии пророк Моисей, и сохранить при этом свое царственное положение на земле.

Не такова наша современность. Подобно тому, как человек наших дней относится к природе с практическим и деловым умом, с таким же практическим воззрением современные руководители общечеловеческого сознания рассматривают психику человека, принимая ее наличную действительность за должную, совершенную норму, способную лишь к отклонениям в одну или другую сторону. Такова нынешняя экспериментальная психология, сосредоточившаяся на изучении разных отклонений, болезненных состояний, а, может быть, и искусственных душевных состояний, а отсюда – на исследовании подсознательной психики, ее темных источников, туманной ее сферы, выявляющейся в сновидениях или в неких полусознательных душевно-телесных склонностях. Нет речи о том, чтобы психология сама собой оказалась бы

воспитательной помощью для морального возвышения людей. Ведь история хранит память гениев человечества, давая богатый материал как психологический, так и для анализа и выяснения условий, благоприятных и неблагоприятных, к духовному совершенствованию человека. О связи с областью религиозной нечего и говорить. – По тому же упадочному пути идет и художественная литература.

Вполне выявила себя уже наша эпоха. Не явит ли новая, близко-грядущая, силы духовные для того, чтобы восстановить возможность единения научного знания и веры христианской, для создания целостного мировоззрения, первые шаги к чему сделали отцы Церкви? – Или же так и останется вере и науке, каждой из них, продолжать идти разобщенно своей дорогой?

Церковь о промыслительной премудрости

1. Что значит: «Церковь учит нас»

Как понимать выражение: «Церковь учит». Ведь, я сам крещен, я член Церкви, я частица ее: значит, я тоже носитель сознания или самосознания Церкви? А тем более, «мы», взятые вместе, участники богослужений, учившиеся Закону Божию, разве не выразители мы сами общего сознания церковного? Где же эта «учащая» Церковь, чтобы мне у нее искать научения?

Остановимся над этим вопросом.

Чтобы на него ответить, дадим себе отчет, что такое Церковь Христова в ее полном виде. Не будем забывать, что Церковь есть священная часть Божия мира, объем которой и полноту духовного содержания мы и не представляем. Мы кратковременные частицы земной Церкви, отвлекаемые к тому же житейскими заботами: легко ли нам подняться на требуемый для этого уровень? И потому мы спрашиваем руководства у св. отцов Церкви всех веков, согласных между собою в учении веры. И узнаем, что сами они ничего не высказывали в учении веры лично от себя, а черпали из источника церковного. Каков же этот источник? Он состоит из двух частей: из ветхозаветного Священного Писания и из новозаветного благовестия Христова и Его святых апостолов.

Каждый из нас есть гражданин государства: знает ли каждый всю его территорию, его состав, его нужды, все его законы? Не должно нам упрощать и представления о Церкви, кафоличность коей выражается не только в составе членов небесно-земной полноты ее, но и в полноте тайн, открытых и доступных нам, и тайн, неведомых для нас.

И потому нужно признать: когда люди, слишком уверенные в себе, находят себя в праве пополнять учение Церкви, философскими ли изысканиями или личными соображениями, – то это только показывает, что они не знают Церкви: или не знают в том смысле, что Церковь имеет готовый ответ на то, чего они ищут, или вторгаются в область, куда не дерзают проникнуть и Ангелы.

Пример такой не оправдываемой самонадеянности, соединенной с незнанием церковной истины, мы видим в неприемлемом учении, принадлежащем группе русских мыслителей, о «Софии – Премудрости Божией», как о некоей посреднице между Богом и миром в промыслительных путях Божиих. Нам нужно поэтому знать, каково

подлинное учение о Премудром Божиим промысле.

2. Всеобъемлющий Премудрый промысл Божий

Величественная полнота промыслительных благодеяний Божиих в мире раскрывается последовательно в двух образах: в ветхозаветных Писаниях – как всеобщее пребывание всего сотворенного в Деснице Божией; в Писаниях новозаветных – как высшее и совершеннейшее проявление премудрости и любви Божией в воплощении Сына Божия ради спасения мира и для преобразования его в Царство Славы.

В этом втором, новозаветном, завершительном смысле, Премудростью именуется Господь Иисус Христос. «Эллины ищут мудрости, – пишет апостол Павел, – а мы проповедуем Христа распятого... Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1Кор. 1:22–24). – «Мудрость же мы проповедуем... не века сего... но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную... которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Ибо как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что Бог приготовил любящим Его» (1Кор. 2:6–9). Так, в явленном, открытом ли виде, или в тайном и сокровенном, но все вливается в единую общую Премудрость Божию. И Церковь твердо и прямо исповедует Спасителя нашего Премудростью Ипостасною: «Не мудростью и силою и богатством хвалимся, но Тобою, Отчею Ипостасною мудростью, Христе!» (ирмос 3 канона 4 гл.).

Приходится, однако, с еще большим вниманием остановиться на ветхозаветном образе Премудрости, сделать это из-за попыток людей века нынешнего, желающих ввести в православно-христианское сознание нечто новое под именем «Премудрости».

Конечно, для нас достаточно было бы первой страницы ветхозаветной книги Бытия, повествующей о творении мира, для того, чтобы отказаться искать какую-либо самостоятельную мудрость мира вне Триипостасной премудрости Божией. Достаточно также было бы и 103 псалма, его первых хотя бы стихов: «Господи, Боже мой! возвеличился еси зело (очень): во исповедание и в велелепоту облекся еси зело... вся премудростью сотворил еси» (Пс.103:1, 2, 24). Как прекрасно представлено сознание простого верующего человека, всей душой погруженного в промысел Божий, в 138 псалме, где читаем:

«Господи! Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда я встаю; Ты разумеешь помышления мои издали. Иду ли я, отдыхаю

ли – Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе. Еще нет слова на языке моем, – Ты, Господи, уже знаешь его совершенно. Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на мне руку Твою. Дивно для меня ведение [Твое], – высоко, не могу постигнуть его! Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья... и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя. Скажу... «может быть, тьма покроет меня... свет вокруг меня сделается ночью»; но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: какова тьма, таков и свет....Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей. Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Не скрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был в глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было. Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!» (Пс.138:1–17)

Ветхозаветное представление о Божием промысле есть и общехристианское. И нужно признать, что это древнее, первое, проникнуто свежестью чувства. В ветхозаветных писаниях промысел Божий обильно представлен в живых образах, с применением аллегорий и олицетворения, ибо и сама речь идет о жизни. Здесь те же приемы, какие вообще приняты в литературе художественной, да и в обычной нашей речи.

Среди ветхозаветных книг две книги особенно много содержат материала на тему о премудрости. Книги эти: Книга Притчей и Книга Премудрости Соломоновой. В них богато применен прием олицетворения, и это дало повод читающим представлять библейскую премудрость личною. Но, ведь, образность самый обычный способ выражения мыслей.

Аллегии в нашей речи на каждом шагу: погода «обманчива»; зрение мне «изменяет»; «подходят» праздники и т.п. Олицетворения – обычный художественный прием. «Что, дремучий лес призадумался? Грустью темною затуманился?» «Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною мчитесь вы, как и я же, изгнанники, с милого севера в сторону южную». «Колокольчики мои, цветики степные! Что глядите на меня, темно-голубые?»

Писатель книги Притчей, к тому же, предупреждает в начальных словах книги, что пишет он преимущественно для "юношей" и для "простых», и надеется, что читатель способен "уразуметь здесь притчу", т.е. иносказание, «замысловатую речь... и загадки их» (Притч. 1:4, 6).

Впрочем, автор книги определенно говорит, что он имеет в виду Божественный источник Промысла в мире; и потому мы в праве относить отдельные места в названных двух книгах к таким, где ветхозаветная мысль возвышается к пришествию на землю Спасителя мира, как к вершине промысла Божия.

Здесь же восхваляется и мудрость человеческая, если она соединена с нравственной чуткостью, так как она истекает из того же высшего рода Премудрости.

3. Премудрость – не личное существо

Премудрость есть качество, свойство личности, иначе говоря – понятие абстрактное; а качество еще не есть реальный предмет или реальная личность. Школьная грамматика нас научила, что только те существительные обозначают реальные предметы, какие, выражаясь образно, родились как существительные: море, небо, земля, дерево, гора. А происшедшие – в истории человеческой речи – из прилагательных, глаголов или числительных, как: теплота, белизна; как: поездка, отдых, мытье; как десяток, сотня – суть понятия не имеющие своей сущности, они должны иметь своего носителя. Это второго рода понятия, и такие существительные мы называем отвлеченными, или абстрактными, в отличие от существительных первого рода – имен, называемых конкретными, т.е. имеющими за собой определенные предметы или личности в действительности, или хотя бы в нашем воображении. Приходится говорить о том, что софиологи лучше нас знают. Из таких абстрактных понятий и имен существительных, производных от прилагательных и глаголов, политеизм создал целый воображаемый мир. Мудрость, любовь, мужество, мужская красота, женственность, торговля, плодородие – превратились в богов и богинь. Что же реальное, личное было за этими представлениями? – Ничто, никто, пустота. Такою была религия греко-римского мира.

Каждый предмет и каждое живое существо имеет массу своих черт, свойств, отличий. Премудрость же сама по себе только свойство, она может быть лишь или полной – такова она в Боге – или ограниченной – в тварном существе. В том и другом виде представлена она в книге Притчей. Если же с ней соединено много других свойств, то не она владелица их, она только первая среди других, имеющих свои названия, а вся группа свойств имеет своего общего носителя под его собственным именем. Софиологи, может быть, поэтому прилагают к слову «Премудрость» имя

«София», как бы «носительницы» свойства. Но, ведь, это чистейшая тавтология, одно и то же, только на двух языках; имя не увеличивает содержания того, к чему относится.

В чем же дело? Не скрывают ли софиологи под библейскими именами понятие существенное, конкретное, только чуждое библейским и христианским истинам?

Какой разрыв с христианским миропониманием!

Как противоположна сама идея духу библейского монотеизма! Ведь нет ничего общего в единобожии с политеизмом в самом их существе, подобно тому, как у веры с атеизмом. Вся сущность религии некогда богоизбранного народа, весь запал пророческих речей, увещаний, угроз, крика душевной боли, направлен был на борьбу с этим именно языческим «культом жизни», с культом «родовых начал жизни» в низкой форме, а это то и составляло душу политеизма в его разных вариациях. Библейская же религия совершенно чиста от этого элемента. Библия рассматривает все бедствия народа и всю его историю под углом зрения падения его в низменные языческие представления и, связанные с ними, оргии этих культов. Гибель государства, бедствие народа пророки предвидели и объяснили, как прямые наказания за отступление от нравственно чистого монотеизма, за измену Богу.

Нужно ли нам в связи с этой темой говорить о христианстве?

Первое рождение человека, по книге Бытия, не без цели и не напрасно представлено в истории человечества рождением «без жены» – творением Евы из ребра Адамова. Так же получило свое начало и христианство: безмужним воплощением Сына Божия.

В ответ нам предлагают ссылку на первую главу Библии: "и сотворил Бог человека по образу Божию: мужа и жену сотворил их». Отсюда обратное заключение: что установлено в природе человека, то присуще и природе Божественной. Но, ведь, такой вывод есть нарушение элементарного закона логики – обратное заключение по аналогии. Я ясно вижу мое лицо в гладком стекле зеркала: но не заключаю я отсюда, что мое лицо так же плоско и блестяще, как зеркало. Апостол пишет о язычниках: «осустились в умствованиях своих, и омрачилось... их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся» (Рим. 1:21–23). Нужно ли нам подражать им?

Мы же только прославим Бога за премудрое устройство мира. Премудростью Божией, чрез поток бесчисленных рождений, чрез сочетание мужского и женского элементов тварей, в мире достигается

неисчислимо разнообразие форм, родов, видов земного мира. Этими условиями создается смена поколений, полнота и гармония целого и такое богатство индивидуальностей, что нет, не было и не будет двух людей, совершенно тождественных между собой, нет двух деревьев абсолютно одинакового строения. Если бы размножение происходило через простое деление, – таково оно у самых элементарных форм жизни, – то в каждом роде живых тварей все они были бы сходны, как две капли воды. Но Премудрость Божия установила закон размножения чрез телесное сочетание двух тварей одного вида, дав им соответствующее различие в телосложении. И достигнуто не только разнообразие форм. Больше того: так создалась семья, основная клеточка человеческого общества; только, увы! семью теперь стараются разрушить... А ведь, только в семье, с детства, учатся люди любить друг друга и бескорыстно служить друг другу!

4. София – «душа мира»? «Женское начало в Боге»?

Когда софианство переходит на более простой язык, оно открывает нам, что оно имеет в виду «душу мира», как носительницу премудрости.

Это уже другое дело. Только нужно признать, что мысль о мировой душе совершенно чужда христианству и Библии. Здесь должен последовать отказ софиологов от библейской аргументации и от попытки христианизировать эту идею.

В действительности, проводники идеи мировой души идут разными путями: или упираются в дохристианскую философию, или заимствуют идею из гностицизма или берут ее прямо из язычества.

Христианством это учение давно отвергнуто, и отвергнуто открыто, вместе с гностицизмом, после попыток вклинить его в сознание христиан.

Почему эта идея некогда присутствовала в христианстве?

Так как душа чего бы то ни было есть его сердцевина, присуща ему, внедрена в него, то отсюда следовало бы, что все отрицательные явления жизни мира, жизни человечества, каждой сознательной личности, все зло, какое фактически существует, падало бы виной на душу мира. Ибо: что бы это была за душа его, если бы она признавала за собой только положительные явления в мире? Нет, она страдала бы под тяжестью зла, бессильная возродить свое мировое тело. Неужели она нужна для того человечеству, чтобы люди могли свалить с себя на нее всю их личную ответственность? Такой соблазн и нечестен и напрасный, тщетный!

Если же представлять эту душу неким идеальным, чистым, божественным созданием, как бы «ангелом-хранителем» мира (есть и такой взгляд), то, при великом Промысле Божиим, что она дает миру?

И вот тут, вместо ответа, вскрывается другой, еще более глубоко скрытый мотив софианства: в учении Церкви – указывают они – нет полноты миро-представления: не хватает «женского начала», в природе данного. Здесь уже разговор переходит на самые основы бытия. Но здесь-то перед нами отчетливо выступает падение христианского мирозерцания в болотную яму языческих политеистических представлений древности и их культов. Как раз в наше время они детально изучены, древние культы предстают во всей их открытости, – нельзя скрывать, – явной непристойности и гнусности, отчасти привлекая внимание и подвергаясь обработке современных литераторов. Конечно, отсюда в софианской сфере извлекается только чистая идея: идея полноты мироустроения, «полноты жизни», выражающихся в наличии двух составных частей живого мира – мужского рода и женского. И так как в современных не церковных представлениях христианство ставится в ряд всех мировых религиозных систем, то, ради его права на передовое место среди них, рождается мысль пополнить церковное учение очищенной идеей «женского начала», как действующей силы в мире.

Но да не дерзнем мы законы жизни, данные нам на земле, прилагать к области божественной, небесной, к области обитания ангелов, бесплотных духов!

София – «четвертая ипостась»? – Ответить остается – кратко.

Если представлять ее лицом Божественного существа, то ей в христианстве нет места, даже в самых отдаленных от православия его формах. Есть христиане, не исповедующие догмата Пресвятой Троицы, но исповедующих четверицу не существует.

А если бы то была «тварная ипостась», то она могла бы быть только первой, начинающей собою неисчислимый ряд тварных личностей, иначе говоря – ипостасей, индивидуальностей. Не скажут, ведь, что она своим бытием поглощает все ниже стоящие личности, значит, и наши!?

5. Жизнь мира в Духе Святом

Человеческий мир живет в греховном состоянии.

Да и вся «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее (человека), в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы чад Божиих» (Рим. 8:20–21).

Но милость, благодать, любовь, милосердие, человеколюбие Божии не имеют преград. Нет в Слове Божиим, нет и в вере Православной Церкви даже намек на некую коллективную, собирательную, а одновременно индивидуальную «душу мира». «Святым Духом всяка душа, все дышащее, живится (оживляется)». 50 псалом, творение Ветхого Завета, постоянный спутник христианской молитвы, свидетельствует извечную веру в Духа Святого Божия, пребывающего в мире и в верующем человеке: «Не отвергни меня от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от мене. Воздай ми радость спасения Твоего, и Духом Владычным утверди мя» (Пс.50:13, 14), – молимся мы словами этого псалма.

Писатель книги Премудрости Соломоновой так исповедует свою веру: «Волю... Твою кто познал бы:(Боже), если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святого Твоего Духа?» (Прем. Сол. 9:17). «Я молился... и сошел на меня Дух премудрости. Познал я все, и сокровенное и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, едиnorodный не как «душа» – творение, но, как дыхание силы Божией, как отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его" (Прем.7:7, 21–22, 25–26), «многочастный многократно и многообразно говоривший... отцам в пророках» (Евр. 1:1), «тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невредимый, благолюбивый, скорый, неударжимый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, спокойный, беспечальный, всевидящий и проникающий все умные, чистые, тончайшие духи... Волю... Твою кто познал бы, если бы Ты не даровал премудрости и не ниспослал свыше святого Твоего Духа» (Прем. 7:22–23, 9:17). «Нетленный Твой Дух пребывает во всем» (Прем. 12:1).

Охраняя себя и народ свой от бесовских политеистических представлений, духовные вожди иудейского народа твердо держались идеи монотеизма; но при этом и в Ветхом Завете проникла в мысль избранных людей тайна Бытия как Слова в Отце, как и Духа Святого, тайна Триипостасности.

Премудрость же есть принадлежность всех Лиц Пресвятой Троицы. Христианство проповедует «Христа – Божию Силу и Премудрость» (1Кор. 1:23–24). Но в Духе Святом созерцается премудрость, как жизнеподательная вечно действующая сила в мире и как источник благодати Божественной и святости.

Никакого значения не имеет в учении веры христианской выражать понятия веры в том или в другом грамматическом роде. Это различие зависит только от свойств того или другого языка. Так, в греческом «Дух»

– слово среднего рода. Как раз именно «качественные» существительные, не обозначающие конкретных предметов, мы выражаем в женском роде.

Если ветхозаветный мыслитель, автор «Премудрости Соломоновой», как сам он свидетельствует, полюбил премудрость, исходящую от Духа Святого, «более здоровья и красоты» (Прем.7:10), – как же нам, членам Церкви Христовой, живущей Духом Святым, не познавать в Нем Виновника общей жизни? «ибо от величия красоты созданий соответственно познается Виновник бытия их» (Прем.13:5). Православное богослужение полно прославлением Отца и Сына и Святого Духа во едином Существо. Оно в каждом ектенийном заключительном возгласе иерея, в заключении почти каждой молитвы. Обращением к Святому Духу мы начинаем все наши молитвословия. Таинства Церкви совершаются силою Духа Святого. Непосредственно после нашего Крещения получили мы печать Духа Святого. Жизнедательную силу Духа Святого воспевают Церковь в особых кратких гимнах на воскресной утрени, составляющей часть всенощной, в так называемых степенных антифонах. «Святым Духом точится всяка премудрость...» – «Святому Духу всякое благодари: ... в Нем же вся живут и движутся». – «Сществует бо всякую тварь». – «От Него же благодать и жизнь всякой твари». – «Святым Духом всяка душа живится». – «Святым Духом точатся благодатные струи, напоюща всякую тварь ко оживлению». – «Святым духом Боговедения богатство, зрения, премудрости». – «Святым Духом подержатся вся, видимая же с невидимым, самодержавен бо сей». – «от Него же всякое животное одушевляется». – «Святым Духом обожение всем, благоволение, разум, мир и благословение: равнодетелен бо есть Отцу и Слову». – «Святого Духа держава на всех: Ему же вышняя воинства поклоняются, со всяким дыханием дольным». – «Святым Духом источник Божественных сокровищ, от Него же премудрость, разум, страх: Тому хвала, честь и держава». – «Святым Духом глубина дарований, богатство славы, судеб глубина веля». – «Святым Духом, едино видною виной, вся содержатся миропадательне: Бог бо Сей есть, Отцу же и Сыновни единосущен, господственен».

И нет пробела! Нет места для «души мира!»

Такому мировоззрению учит нас Святая Церковь. Церковь живет в Духе Святом, и Дух Святой пребывает в ней. Церковные молитвенные мысли о Духе построены так, чтобы мы сознавали. Это постоянное пребывание Духа в верующих и среди верующих; мы просим обновление близости Его к нам.

Жизнь в вере

«Бог Свет есть, и нет в Нем никакой тьмы» (1Иоан. 1:5)

Что значит это именование Бога – Светом? Ясно, что в этом мыслится Божие совершенство: совершенное Добро, в совершенной Чистоте, совершенная Святость, совершенная Истина, совершенная Благость и Любовь, и соединенное с ними Блаженство, совершенная творческая Сила, совершенное Помышление о мире, созерцание его и Ведение его.

По наставлению отцов Церкви, Свет однако не есть сущность Божия, он только полнота свойств Его и их проявление. И псалмопевец выражает в 102 псалме это их проявление словами: "одевающийся светом, как ризой» (Пс.103,2).

Св. Григорий Богослов наставляет: «Бог есть Свет высочайший, неприступный, неизъяснимый и умом непостижимый и словами неизрекаемый» (Слово на Святое Крещение). – «Потому Божество по существу Своему даже не именуемо... Мудрейшие и древнейшие из евреев не терпели, чтобы одними и теми же буквами писалось и имя Божие и имена тварей, – и могли ли когда решиться рассеивающим голосом произнести само имя Естества превечного и единственного?.. Лишь только некоторым образом применимо к Нему слово «Сущий», не только потому, что Сам Вещавший Моисею нарек Себе имя сие, и повелевший сказать народу: «Сущий [Иегова] послал меня к вам» (Исх. 3:14) ...но и потому, что не было и не будет чем-либо оно ограничено или пресечено» (Слово 30, о богословии четвертое).

«Видихом Свет истинный»

Светлость Божия изливается в мир. Снисходит она и проникает и в души человеческие. Смеем думать, что не только в душу христианина, но проникает и вообще в души тех, у кого есть стремление сердца ввысь, есть жажда познания Бога.

Важно помнить, что слова «свет веры» не являются лишь «символом» чувства веры, а выражают подлинное просветление или сияние души. Тот же святитель Григорий дает нам в своих словах на праздник Крещения («праздник Света») такие образцы этой веры, даже еще ветхозаветного человека, из Псалтири:

«Просвети очи мои, да не усну... *сном смертным*» (Пс. 12:4).

«Свет сияет на праведника, и на правых сердцем – веселее» (Пс. 96:11).

«Просвещаешь ты дивно от гор вечных» (Пс. 75:5).

«Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь?» (Пс. 26:1).

«Пошли свет Твой и истину Твою; да ведут они меня» (Пс. 42:3).

«Яви нам свет лица Твоего» (Пс. 4:7).

«Во свете твоём узрим свет» (Пс. 35,10).

В новозаветной Церкви это сияние света обильнее и сильнее. Его предсказывал пророк Исаия пророчески: «И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет всемерно светлее, как свет семи дней, в тот день, когда Господь обвяжет рану народу Своему» (Ис. 30:26). И еще: «Восстань, светись, [Иерусалим], ибо пришел свет твой, и слава Господня воссияла над тобою... И придут народы к свету твоему» (Ис. 60:1, 2).

Осуществление Исаина пророчества знаменуется уже в первых строках Евангелия, именно Евангелия Иоанна, в первом «зачале» (пасхальном), составляющем начало всех евангельских годовичных зачал, читаемых на литургиях. В этом первом зачале слово о явлении Света в мире имеет место шесть раз, как бы всему миру возвещая свет любви Божией (Ин. 1:4, 5, 7, 8, 9).

И Спаситель поучал Своих учеников: «Вы – свет мира... Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела...» (Мф. 5:14, 16). И о Самом Себе пред фарисеями: «Я – Свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12).

Нельзя не сказать, хотя бы кратко об апостольских посланиях новообращенным.

Апостол Петр так освещает значение вступления в Церковь Христову: «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые

в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет. 2:9).

Апостол Иоанн Богослов: «жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам... Бог есть свет... Если... ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общность друг с другом, и Кровь Иисуса Христа... очищает нас от всякого греха» (1Ин.1:2, 5, 7).

Апостол Павел: «вы сияете, как светила в мире» (Фил.2:15).

«Бог... озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2Кор.4:6).

«Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2Кор.3:18).

«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9).

С этим озарением душ, с этим высшим просвещением разума, – поучает нас Слово Библии, – вносится в душу некая радость, или дыхание блаженства.

"Воссияю свет праведнику, и правым сердцем – веселее» (Пс. 96:11; Пс. 111:4).

Предтеча Господень Иоанн говорит о себе: «друг жениха... радостью радуется... Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться» (в деле общественного служения) (Ин.3:29–30). Апостол Павел, свидетельствуя о себе: «Я сораспялся Христу» (таковы были его злоключения от врагов проповеди его) (Гал. 2:19), – полон христианского радования и передает его своим духовным чадам: «Радуется всегда о Господе; и снова говорю: радуйтесь... братья мои возлюбленные и вождельные, радость и венец мой» (в послании к Филиппийцам, что читаем и в других его священных письмах) (Фил.4:1, 4). Наперсник Христов апостол Иоанн выражается еще сильнее: "И это пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна» (1Ин. 1:4). Здесь выражена истина, что с совершенствованием нравственным растет в душе радостное состояние. Одновременно растет, как видим уже в этих кратких выдержках из посланий, и любовь, любовное, кроткое, благожелательное отношение к окружающим. Притом, стремящийся к Свету отчетливо видит свои недостатки и тем более свои падения, не любит свои дела, – и это создает естественное благородное смирение, а в особенности, вселяет страх Божий, какой выражен в псалме 85, а также в иерейской молитве вечерни: «да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего...» (Пс.85:11).

Такова гамма христианских душевных состояний. Вот это все и значит: «Жить во Свете». Так – Светлость Божия изливается в мир.

Два вида просвещения

Мы, люди современной так называемой «Западной культуры», живем по неволе в двух духовных сферах: а) в сфере сверхвременного христианского Просвещения и б) в эпоху «просвещения», начавшегося на Западе Европы от конца Средневековья; живем в эпоху рационализма, или практического мышления, постепенно отмежевываясь от религиозных начал, особенно в век «вольтерьянства»; в наш век оно достигло прямого гонения на христианство, падшего практически на Православную Церковь, особенно на Русскую. По задачам этой общей эпохи, только земные житейские цели достойны права на общественное внимание и даже на само существование; думам же и заботам о вечной жизни нет места, как нет места и в совершенствовании в духе евангельском. А для охраны «общественной этики» и порядка вполне достаточно общего обучения и полицейской бдительности и, конечно, места заключения для преступников. Таковы принципы этой эпохи. Действительность же – перед нами: миллионы убитых за твердость веры, тысячи в тюрьмах и ссылке за протест против гнета физического и морального, разгул международных и внутренних войн, рост преступности, развал нравственный, обилие личных страданий нравственных и физических.

Казалось бы, даже при нарушениях в религии, можно было бы не забывать того, что эта практическая западная культура в ее лучшей стороне развилась на христианской почве, – будет ли это книгопечатание (Гуттенберг, Библия, церковные книги); будет ли то художественная литература, «романы» (от житийной литературы романского схоластического периода); творчество ли знаменитых музыкальных композиторов (от исполнения богослужения на музыкальных «органах» в католических храмах); живопись ли (от церковной живописи), или архитектура (от сложных задач церковной архитектуры, особенно Востока).

С другой стороны, – видим, знаем, что христианская вера не отвергает земной культуры и удовольствий житейских потребностей, чему свидетельствует Священное Писание. Так, в период «сорокадневия» по Воскресении Христовом, как читаем в Евангелии, ученики Господа отправились на ночной труд, на ловлю рыбы. Так же апостол Павел, весь преданный апостольской проповеди Воскресения Христова и Христова учения, отдавал время труду делания палаток, чтобы не обременять других пропитанием его. Евангелист Лука был и врачом и живописцем, и притом

ему принадлежит написание двух больших священных книг: Евангелия и Деяний Апостольских.

Но, по слову Господню: "не хлебом единым жив будет человек» (Лк. 4:4). И наше личное самосознание внушает нам, что достоинство наше, а значит, и назначение наше выше потребностей нашего простого существования, и ограничивать себя этой животной стороной значит лишать себя полноты жизни. Но мы скажем с христианской точки зрения: не только лишать духовных радостей на земле, но и блаженства вечной жизни в Боге, а это уже – духовная смерть!

Свет и тьма

Поскольку проникает современное знание в прошлое человечества, видно, что изначально человеку были присущи эти два великих понятия: вера в Бога и мысль о вечности (в Библии – о райском «древе жизни»). Сознавалось, что если вообще нет вечности в Боге, то и для человека впереди, после краткого и всегда непрочного, – а хотя бы и «счастливого» пробега жизни, – впереди смерть, а это значит – провал, пустота, тьма. И это безнадежное второе – смерть – зачеркивает весь смысл первого: земной жизни. В самом «мировоззрении» неверующего человека последняя строка – пустота и тьма.

Не таково христианское мировоззрение, именуемое кратким словом «вера». О нем наставлял наш Господь Иисус Христос Своих учеников и народа в Нагорной проповеди: «собирайте себе сокровище на небесах... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник телу твоему есть око... если око твое будет чисто (в слав., "просто", т.е. в прямом, здоровом состоянии), то все тело твое будет светло (мы будем ясно видеть самих себя, свои шаги, свои действия); если же око твое будет худо (в слав., "лукаво"), то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (в слав.: "то тьма кольми?" т.е., во сколько же раз она сильнее! (Мф. 6:20–23)). Какая же тьма ожидает человека в будущем, когда он еще на земле выключил себя от Божественного Света... Храни же себя, человек, чтобы не объявить самому себя неверующим, атеистом, атеисткой, этим наперед предназначив себя во тьму «крошечную» («кроме», «без» – Божия света), внешнюю по отношению к Богу Вездесущему...

Писатель неканонической, но почитаемой Церковью, книги «Премудрости Соломоновой» в последних двух главах книги дает устрашающий образ абсолютной «египетской тьмы» (Исх. 10:21, 22), поразившей Египет пред исходом оттуда иудеев, – это как бы символ той иной, «вечной тьмы».

Для верующего же человека, для христианина, «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5). К приведенным выше словам Нагорной проповеди евангелист Лука присоединяет следующие слова Господа: «Если же тело твое все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильником освещал тебя сиянием» (Лк. 11:36).

Вот, на таких светильниках веры стоит от начала своего бытия и утверждается Единая Святая Кафолическая Апостольская Церковь.

Церковь Христова, по учению преп. Симеона, Нового Богослова

Во дни первохристианства, в те дни, когда оно насчитывало всего только тридцать-сорок лет своего бытия и выражалось пока лишь в создании небольших разрозненных общин в пределах Римской империи, – уже тогда святой апостол Павел, находясь в узах, как крестном венце за свое благовестие о Христе, – а в этом уединении особенно озаренный благодатным светом, – дал в одном из своих посланий самое возвышенное и полное понятие о Церкви во Христе, именно, как о Теле Христовом, как о едином живом небесно-земном организме, дал образ Церкви, свято хранимый обще православным сознанием. Этот образ находится в послании апостола к Ефесской церковной общине. Здесь представлен величественный вид Церкви, как «полноты Христа», «Наполняющего все во всем»; дан облик нового бытия, сущность коего составляет «связь любви», бытия, соединяющего «небесное с земным» связями постоянными и прочными. В данном случае достаточно привести из названного послания один стих, 16 стих четвертой главы. Читаем: «глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф.4:15, 16). Для этой цели, пишет апостол, Христос поставил в земной части Церкви «одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями» (Еф.4:11). Однако: что такое эти связи, взаимно скрепляющие части Тела, «при действии в свою меру каждого члена Церкви»? Что за связи-действия, дающие одновременно и «возрастание» каждому самому по себе члену Церкви, и при этом – рост, совершенствование или полноту всему телу Церкви, небесно-земному, под единою Главою Христом? Конечно, этими взаимными скрепами тела Церкви, его составляющими, совокупляющими, соединяющими является молитва. Ибо – что представляет собой сама Церковь, как не «мир молитвы»? Молитва может быть названа воздухом, дыханием, жизнью Церкви. Подобно тому, как в ткацком станке, нити (здесь нити молитвы) идут по всем направлениям; они соединяют каждого члена Церкви с Небесным Отцом, членов земной Церкви между собой и членов земных с небесными. То же и в небесах, в сфере Ангелов и святых, только в высшей и совершеннейшей степени. Земные молятся друг о друге, и по закону любви молятся об усопших; небесные – о земных, а равно – и об усопших

братьях, нуждающихся в помощи. По этим молитвенным нитям идут и славословия, и благодарения, в обеих областях Церкви, на земле соединяясь с покаянными мыслями и чувствами.

Конечно, внутрицерковные связи выражаются и в соответствующих действиях, в деятельности, но эта сторона является уже производной, вытекающей из первого источника, молитвенного.

Такое представление в полной степени присуще только православному сознанию и самому строю и реальной жизни Православной Церкви. Наше богослужение является прямым показателем этого образа жизни Церкви.

Сохраняется ли такое самосознание в святоотеческом богословии? Да, им насыщена святоотеческая мысль. Пример даем из творений преп. Симеона, Нового Богослова, жизнь коего протекла как раз на рубеже между первым и вторым тысячелетиями (он преставился в небесные обители около 1020 года). Черпаем из его 24 «Слова» его мысли о взаимодействии в небесно-земной Церкви Христовой. В приводимых мыслях, у преподобного даже нет четкого различия между двумя состояниями членов Церкви – земных и небесных, – не потому, что он бы их отрицал, но для ясности, что Церковь есть «единое Тело Единые Главы», «полнота Наполняющего все во всем».

Преподобный Симеон поучает:

«Все святые суть воистину члены Христа Бога и, как члены, сочетаны с Ним и соединены с телом Его, так, что Христос есть Глава, а все, от начала до последнего дня, святые – члены Его, и все они в совокупности составляют единое тело и как бы, так сказать, одного человека. Иные из них состоят в чине рук, делающих даже доселе, которые, исполняя все святую волю Его, претворяют недостойных в достойных и представляют их Ему; иные – в чине рамен (плечи) тела Христова, которые друг друга тяготы носят, или, возложив на себя обретенное овца погибшее, блуждавшее там и здесь, в горах и пропастях, приносят ко Христу, и так исполняют закон Его; иные – в чине груди, которые источают для жаждущих и алчущих правды Божией чистейшую воду слова премудрости и разума, так как учат их слову Божию и преподают им мысленный хлеб, который вкушают святые Ангелы, то есть, истинное богословие, как наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные – в чине сердца, которые в лоне своем любовью вмещают всех людей, приемлют внутрь себя дух спасения и служат хранилищем неизреченных и сокровенных Таин Христовых; иные – в чине чресл, которые имеют в себе «родительную божественных помышлений таинственного богословия силу», и словом

учения своего в сердца людей всевают семя благочестия; иные, наконец, – в чине костей и ног, которые являют мужество и терпение в искушениях, подобно Иову, и пребывают неподвижными в стоянии своем в добре, не уклоняются от налегающей тяготы, но охотно принимают ее и бодро несут до конца. Таким-то образом стройно составляется тело Церкви Христовой из всех от века святых Его, и пребывает цело и всесовершенно, да будут едины все сыны Божии, перворожденные, на небесах написанные.

А что все святые суть члены Христовы и бывают едино тело, докажу это вам от Божественного Писания. И во-первых, послушайте самого спасителя нашего, Христа Господа, как Он представляет нераздельное единение, какое имеют с Ним святые, в словах, сказанных Им апостолам: "веруйте в Меня, что Я во Отце, и Отец во мне» (Иоан. 14:11). «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в нас» (Иоан. 14:20; также Ин.17:20–26).

Поскольку Божество, нам сообщаемое чрез общение с Господом, есть неделимо, то необходимо и нам, сделавшись во истину причастниками сего Божества, быть неотделимыми от Христа, быть в едином духе единым телом (Гал. 3:28; Кол. 3:11; 1Кор. 12:1–14). Как в вечных обителях Бог каждому святому дает подобающую ему часть, как мы сказали прежде, так и в теле Церкви каждый причисляется в такой член Христов, каким быть достоин. Это показывает тот же апостол Павел и в том же послании, говоря: «Но Бог расположил члены, каждый в *составе* тела, как Ему было угодно» (1Кор. 12:18). И так, членов много, а тело одно. Желая же показать различие сих членов и какие это члены, говорит он: «вы – тело Христово, а порознь – члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, *иным дал силы чудодейственные*, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1Кор. 12:27–28).

«Тайна сия велика; я говорю по отношени... Христа и... Церкви» (Ефес. 5:32). И воистину тайна сия есть и пребудет великою, и превыше всего великого. Какое единение, общение и сроднение имеет и Владыка наш, Творец всяческих, со всей Церковью, как с единой женой, и бывает едино с ней, и всегда нераздельно пребывает с ней, как с возлюбленной Ему. Но единение сие бывает боголепно, как лепок есть Богу соединиться с Церковью, – что и недомыслимо и неизреченно. Опять, и Церковь единится с любимым от нее Богом, и прилепляется к Нему так, как тело прилеплено к своей голове. Ибо как тело не может жить без своей головы, так и Церковь – собрание верующих, то есть, сынов Божиих, на небесах написанных, не может быть цельным и совершенным телом без главы своей – Христа Бога нашего, и не может жить истиной и вечной жизнью,

если не будет питаема от Него каждодневно насущным хлебом, от Коего приемлют истинную жизнь все любящие Его, и растут в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Его...

Поскольку же Церковь есть тело Христово, и невеста Христова, и мир великий, и храм Божий, члены же тела Его суть все святые, а между тем они не все еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что тело Христово еще не есть целое вполне, что не наполнился еще и вышний мир, то есть, не весь еще сонм людей вошел еще в Церковь Божию. Но и доньше есть еще в мире много неверующих, которым предстоит уверовать во Христа, есть много грешников, которые имеют долг покаяться, есть много непокорных, которые имеют покориться Христу; многие еще имеют родиться и благоугодить Богу, прежде чем вострубит последняя труба. И так, надлежит родиться всем предуведенным от Бога и наполниться превысшему сего мира мере Церкви первородных, Иерусалиму небесному; и тогда совершится полнота тела Христова, приняв в себя предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня» (Слова преп. Симеона, Нового Богослова, в переводе еп. Феофана, вып. 1. Москва, 1892, стр. 383–391).

Содержание

Апологетические Заметки протопресвитер Михаил Помазанский	1
Часть I	2
Знамение свыше	3
Душа тянется к Богу	4
Религия – радость	5
Бог – не предмет дебатов	6
Почему «верую ходим, а не видением»?	7
Вера	8
Волки мысленные	9
Когда некого поблагодарить	10
Существует ли жизнь?	11
Целостность жизни и целостность мировоззрения	12
Таинственное в опыте жизни	13
Трезвение души	14
Силы природы	15
Огонек от огонька	17
Атеизм	18
Мир – отражение благодати Божией	19
Жизнь	20
О чем говорит зло в мире	21
За завесой видимого	23
Суды Божии	24
Триединый, Триипостасный Бог	26
Чтобы вера была основой жизни	27
Тем, которые говорят: «я не вижу Бога»	28
Часть II	30
«Бог... творит всё, что хочет» (Пс. 113:11)	31
Принцип цели или закон причинности	31
Две стихии в мире. Стихия мертвая	31
Законы разума и цели	32
Человек	33
Общество	33
Вселенная	34
Иисус Христос	35

«и сказал Бог»	35
Словом Господним небеса утвердишия	37
Догмат о вере	42
От познания к Богопознанию	47
О природе	48
О составе и назначении человека	50
Образ Божий в человеке	52
Церковь о промыслительной премудрости	57
1. Что значит: «Церковь учит нас»	57
2. Всеобъемлющий Премудрый промысл Божий	58
3. Премудрость – не личное существо	60
4. София – «душа мира»? «Женское начало в Боге»?	62
5. Жизнь мира в Духе Святом	63
Жизнь в вере	66
«Видихом Свет истинный»	67
Два вида просвещения	70
Свет и тьма	72
Церковь Христова, по учению преп. Симеона, Нового Богослова	73